

ВЕСТНИК **государственного** **университета** **«Дубна»**

#2 2025

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

История науки

**Социальные практики
цифрового общества**

**Социология политики и
международных отношений**

Философские исследования

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

История науки

Колесников А.Г. Нейтронная физика: генезис и перспективы развития (Часть I) 3

Социальные практики цифрового общества

Айрапетов Е.А. Поколения и техногуманизм: границы человеческого в эпоху цифровой революции 15

Савельев В.А. Этические проблемы цифрового бессмертия 23

Социология политики и международных отношений

Гордеев Я.Д. Российская научная дипломатия на Кубе: горизонты взаимодействия 32

Кожасева М.Н. Прогноз Хантингтона о столкновении цивилизаций: сбылся ли он? 42

Незнанов А.И. За кулисами президентских выборов в США: роль методов цифрового контроля 50

Философские исследования

Бодрина М.С. Философия войны в оптике русской мысли рубежа XIX-XX веков: духовные и метафизические аспекты (Часть I) 57

Довбыш Е.Д. Философские подходы к критике и признанию современного искусства 72

УДК 539.16

А.Г. Колесников

Нейтронная физика: генезис и перспективы развития (Часть I)

Аннотация:

Раскрыта история нейтронной физики, охватывающая период от предпосылок ее возникновения до современных дней. Сделан вывод о том, что на формирование нейтронной физики как самостоятельной дисциплины оказали влияние не только научные законы развития, но и феномен особого исследовательского духа, которым наделены отдельные ученые.

Ключевые слова: атомная физика, молекулярная физика, ядерная физика, радиоактивность, ядерная техника, ядерная (атомная) энергетика, атомная промышленность.

Об авторе: Колесников Александр Георгиевич, Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ), ведущий инженер Научно-экспериментального отдела комплекса спектрометров (НЭОКС) ИБР-2 Лаборатории нейтронной физики; Государственный университет «Дубна», заведующий лабораторией вакуумного напыления Инжинирингового центра университета «Дубна»; эл. почта: torgcentr2004@mail.ru

В марте 2025 г. исполнилось 129 лет открытию радиоактивности – начала новой эпохи развития человечества, ознаменовавшей старт бурных открытий о строении материи. Знаменитый российский ученый Владимир Иванович Вернадский, посвятивший изучению радиоактивности часть своей жизни, писал: «Это открытие произвело огромный переворот в научном мировоззрении, вызвало создание новой науки ... открыло горизонты возможностей, совершенно неожиданных и, казалось, навсегда для человечества закрытых» [1, с. 198].

Случай в эксперименте – источник открытий

Поздней осенью 1895 г. немецкий физик Вильгельм Конрад Рентген проводил эксперименты с катодными лучами, открытыми в 1859 г. его соотечественником Юлиусом

Плюккером. Физики того времени с увлечением изучали светящиеся лучи, исходящие от катода газоразрядной трубки, прародительницы будущего кинескопа телевизора.

Рентген собрал очередную конструкцию газоразрядной трубки, в которой катод оказался наклонен. 8 ноября 1895 г., как обычно, Рентген допоздна работал в своей лаборатории. Уходя, он затушил лампу и вдруг в темноте увидел легкое зеленоватое свечение. Светилось вещество в баночке, реагирующее на электромагнитные волны [12]. Рентген сообразил, что забыл выключить катодную трубку, хотя и накрыл ее черным чехлом из картона. Он отключил трубку – свечение исчезло, снова включил – появилось. Однако катодные лучи должны были задерживаться стеклом трубки и чехлом из бумаги, и, кроме того, воздушный метровый промежуток между трубкой и экраном был для них совершенно непроницаем. Семь недель Рентген провел за опытами, приказав приносить ему еду в лабораторию и поставить там кровать. Было забыто все: и ученики, и друзья, и семья, и даже здоровье. Лишь через 50 дней ученый наконец-то смог сформулировать принципы того явления, которое он открыл.

22 декабря 1895 г. В. Рентген сделал первое публичное сообщение об открытии неизвестного излучения, которое он назвал X-лучи и опубликовал статью под названием «О новом типе лучей», где разместил первый рентгеновский снимок левой кисти руки своей жены Берты. Статья была выпущена в виде отдельной брошюры, и В. Рентген разослал ее ведущим физикам Европы. Так началась новая эра в истории медицины и других отраслей науки и техники – эпоха исследования объекта при помощи рентгеновских лучей.

Объяснения природы X-лучей не было, поскольку научное сообщество того времени считало, что атом неделимый и невозможно было допустить существование известных сейчас электронов. Рентгену не раз пришлось доказывать, что открытые им лучи существуют реально. 23 января 1896 г. Рентген лично продемонстрировал возможности лучей, сделав снимок кисти руки с кольцом присутствующего тут же анатома Альберта фон Келликера. Это сообщение было подобно взрыву. На имя Рентгена посыпались письма от промышленных фирм с предложениями о выгодной покупке прав на использование изобретения. Однако он считал, что научные исследования должны быть достоянием человечества и не могут являться источником дохода. В. Рентген даже возражал, чтобы открытые им лучи назывались рентгеновскими.

Открытие вдохновило многих физиков в крупных научных центрах различных стран на исследование свойств рентгеновского излучения. Австрийский физик Иван Павлович

Пулюй обнаружил, что сконструированная им «лампа» также оказалась источником X-лучей. Пулюй провел пионерские исследования по изучению катодных лучей, создал разнообразные источники X-излучения и активно содействовал их внедрению в диагностическую медицину [7]. В 1986 г. в Санкт-Петербургском и Московском университетах началось изучение метода рентгенологии. В результате усилий обоих университетов в 1904 г. осуществлена рентгенологическая визуализация почек, а в 1918 г. в Санкт-Петербурге открыт первый в мире рентгенологический, радиологический и раковый институт.

Открытие Рентгена привело к другому открытию, появление которого также оказывается удачным стечением обстоятельств. История его началась 20 января 1896 г., когда на заседании Парижской академии с докладом о рентгеновских лучах и их демонстрацией выступил известный ученый-физик и математик А. Пуанкаре с попыткой объяснения природы X-лучей. В ходе доклада он высказал предположение о том, что рентгеновское излучение может быть каким-то образом связано с люминесценцией. Это гипотеза всецело захватила присутствовавшего на заседании опытного специалиста в области люминесценции Анри Беккереля [8].

Анри Антуан Беккерель – представитель большой династии французских физиков. Его дед, Антуан Сезар Беккерель – ученый в области флуоресценции, а отец, Александр Эдмон Беккерель – был крупным специалистом по исследованию фосфоресценции. Беккерель решил незамедлительно проверить эту гипотезу экспериментально, поскольку, если гипотеза Пуанкаре подтвердится, то рентгеновские лучи станут возможным получать без использования высоковакуумных трубок, требующих источники питания в десятки киловольт [4].

Беккерелю повезло с выбором образца: он был руководителем кафедры физики Национального музея естественной истории, поэтому в его распоряжении была коллекция люминесцирующих минералов, и он выбрал минерал с большой интенсивностью люминесценции – уранил-калиевый бисульфат. Везение состояло в том, что из девяти известных в то время химических элементов только уран и торий, а также их соли обладают радиоактивностью, достаточной для ее обнаружения простыми способами.

Конечно же, Беккерель об этих свойствах не знал, но его интуиция физика заслуживает одобрения. В качестве детектора, фиксирующего излучение, им была использована обычная фотопластинка, изобретенная за 30 лет до этого лейтенантом

Парижской муниципальной гвардии Абель Ньепсом де Сен-Виктором, большим любителем фотографии. Опыт Беккереля выглядел весьма просто – флуоресцирующий образец укладывался на фотопластинку, предварительно тщательно обернутую черной, непроницаемой для света бумагой, и вся эта конструкция выставлялась на несколько часов на солнечный свет. После этого фотопластинка проявлялась, и на ней был виден отпечаток контуров кристаллов и различных предметов, покрытых урановой солью.

Опытный исследователь Беккерель в ходе своих опытов стремился исключить любые побочные воздействия на фотопластинку. Доказывая справедливость гипотезы Пуанкаре, засветку фотопластинки Беккерель объяснял как Рентгеновские лучи, хотя не мог объяснить, почему длины волн этого сильно проникающего через плотную бумагу излучения многократно меньше, чем длина световых волн, что противоречило правилу Стокса. Следует отметить, что аналогичные опыты практически одновременно с Беккерелем проводились и другими учеными, в том числе и на других солях. Помог случай, а именно дождливая погода, когда отложенный для засветки на солнце образец пролежал несколько дней, ожидая солнечной погоды, и по ошибке был проявлен без выдержки на солнце. Результат – пластинка была засвечена и на ней также был виден отпечаток образца. Это навело на мысль, что этот эффект не фотолюминесценция.

Дальнейшие тщательные опыты, проведенные Беккерелем теперь уже целенаправленно, подтвердили эту догадку, и привели к выдающемуся открытию, о котором 2 марта 1896 г. на заседании Парижской академии наук он сделал сообщение «О невидимой радиации, производимой фосфоресцирующими телами», что считается датой открытия радиоактивности [2]. Новое излучение сначала получило название «урановые лучи», а затем – «лучи Беккереля». Лучи оказывают весьма заметное воздействие на различные тела. Так, стекло под действием излучения может окрашиваться в фиолетовый или в желтый цвета, покрываясь при этом мелкими трещинами; белый фосфор превращается в красный; бумага и целлулоид становятся желтыми; в воздухе образуется озон и т. д. В течение всего 1896 г. Беккерель в девяти статьях описал основные свойства обнаруженного излучения и, главное из них – непрекращающуюся продолжительность излучения. При этом невозможно было объяснить, откуда берется неисчерпаемый запас энергии в солях урана. На этот вопрос не смогли ответить и те выдающиеся ученые, которые подробно ознакомились с результатами его работ и побывали в лаборатории Беккереля: Пуанкаре, Рамзай, Стокс, Кельвин, Менделеев.

И опять случай. Исследованием удивительных «лучей Беккереля» А. Беккерель поручил заняться своим ученикам Пьеру Кюри и Марии Склодовской-Кюри, приехавших в Париж. Для исследования супруги Кюри выбрали ураново-смоляную руду, которая добывалась в 1890-х гг. на территории Чехии для изготовления ярко красных красок для окрашивания изделий на фарфоровых и стекольных заводах. Но из-за высокой цены Мария предложила купить не саму руду, а несколько тонн отходов, образующихся при выделении урана из руды, стоивших сущие пустяки. Супруги поставили перед собой задачу разделить эту урановую смоляную обманку на химические компоненты. Содержание урана в отходах было мизерным. Как теперь понятно, стечение обстоятельств положило основу технологии получения новых элементов. По сути Кюри использовали руду с малым содержанием урана, но обогащенную другими элементами.

Супруги провели множество трудоемких и, как потом оказалось, опасных для здоровья экспериментов [5]. Для выделения химических компонентов эти тонны супруги перерабатывали в деревянном сарае на улице Ломон в Париже, который когда-то использовался как морг и анатомичка: вместо пола потрескавшийся асфальт; застекленная крыша в дождливые дни протекала; летом в сарае было жарко и душно, словно в оранжерее, зимой – холодно, как в леднике [8]. За 4 года они вручную переработали 8 тонн урановой смолки, получив после трудоемких операций небольшое количество вещества, обладавшего излучением лучей «Беккереля» в два миллиона раз сильнее, чем от урана. Исследования показали, что выделенное вещество содержит два неизвестных элемента. Источник этой радиоактивности они выделили в виде бариевых солей новых химических элементов.

В июле 1898 г. Кюри сообщили об открытии нового химического элемента, который они назвали «Polonium», в честь родины Марии Склодовской-Кюри – Польши. Выделить в чистом виде этот элемент не удалось из-за короткого времени жизни (138 суток). В декабре 1898 г. Кюри объявили об открытии второго элемента, который назвали «Radium» – лучистый. Его удалось выделить и определить атомную массу. Убедившись, что не только уран излучает «лучи Беккереля», Мария Склодовская-Кюри предложила это излучение назвать «радиоактивностью» от латинских «radus» – луч и «activus» – действенный.

Весомый вклад в изучении радиоактивности внес известный английский физик Эрнест Резерфорд, активно включившийся в этот процесс. В 1899 г., пропуская радиоактивные лучи радия между полюсами магнита, он разделил пучок радиоактивных

лучей на два пучка – альфа- и бета-лучи. В 1900 г. французский физик Поль Виллард открыл, что излучение радия содержит третий вид слабого излучения, которое не смог обнаружить Резерфорд – гамма-лучи. В 1901 г. уже и сам Беккерель обнаружил гамма-лучи и ему стало ясно, что радиоактивность – самопроизвольное испускание так называемых альфа-, бета- и гамма- лучей.

Это был очередной научный взрыв, вызвавший огромный интерес к практическому применению открытия. Первые успехи в лечении раковых опухолей посредством радиации породили всеобщий ажиотаж: публика увидела в радиии источник вечной жизни. Выпускались пищевые продукты, косметика и даже часы со светящимся циферблатом. Стоимость радия в то время превышала стоимость золота в сто тысяч раз – он был самым дорогим элементом в мире.

Радий – элемент, встречающийся в природе крайне редко. Чтобы получить 0,1 г чистого металлического радия, Кюри перерабатывали 500 кг уранита. Посыпались предложения коммерческого использования радия, патентования технологии его получения. Несмотря на то, что Кюри жили бедно и нехватка средств сказывалась и на их исследованиях, они решительно отказались от патента, который лишил их немалой прибыли. По их убеждению, это противоречило бы духу науки – свободному обмену знаниями.

Желание расширить масштабы научных исследований приводит Марию Кюри к решению о создании Института радия, который был открыт перед самой первой мировой войной. Для его функционирования М. Кюри отдает накопившийся у нее 1 г собственноручно добытого радия на нужды института и медицины. Во Франции этот метод назывался кюриотерапией.

В России начало радиотерапии также положила М. Кюри. В 1903 г. она передала Владимиру Зыкову, директору будущего Московского НИИ онкологии им. Герцена, несколько миллиграммов радия, и именно с них началась российская лучевая терапия, которая по большому счету с тех пор не изменилась.

К сожалению, первоначально не было известно о вредоносном биологическом действии радиоактивного излучения. Ценою жизней обнаружилось, что вредоносность здоровью неизменно проявлялась у всех, кто имел контакт с радиоактивными препаратами. Ажиотаж вокруг «источника вечной жизни» существовал до той поры, когда начались вспышки лучевой болезни. Сама Мария Кюри скончалась от лейкемии, вызванной

работами по получению радия и полония. Похоронили ее с особыми предосторожностями с применением свинцовой обшивки гроба. Ее книги, дневники и письма хранятся в свинцовых коробках в национальной библиотеке Парижа. И должны так храниться 150 лет – период полураспада радия. А на одном из листков даже был обнаружен радиоактивный отпечаток пальца ее мужа Пьера. А. Беккерель, всю жизнь занимавшийся радиоактивными веществами, умер в возрасте 55 лет от неизвестной болезни.

За 60 лет, прошедших после открытия радиоактивности, от лучевого рака кожи и лейкемии умерло 369 специалистов-радиологов. И тем не менее, зная о вредных последствиях работы с радиоактивными веществами, ученые продолжали и продолжают исследования, открывая все новые и новые их свойства.

Разрыв – источник развития

Основы представления об атоме как о неделимой, неразрушающейся и не возникающей из ниоткуда основной частице вещества заложил древнегреческий философ Демокрит еще в V-IV вв. до нашей эры. А в 1808 г. Джон Дальтон, английский естествоиспытатель, первым научно описавший имеющуюся у него «цветовую слепоту», позже названную в его честь дальтонизмом, разработал атомизм, ввел понятие «атомный вес», первым рассчитал атомные веса (массы) ряда элементов и составил первую таблицу их относительных атомных весов, заложив тем самым основу атомной теории строения вещества, которая очень хорошо описывала известные химические реакции [10].

Развивая заложенную в таблице Дальтона идею размещения элементов, Дмитрий Иванович Менделеев в 1869 г. создал первый вариант Периодической системы химических элементов. Атомная теория Дальтона состояла из пяти основных постулатов, изложенных в первой части первого тома «Нового курса химической философии» (1808):

1) Вся материя состоит из крошечных неделимых частиц, называемых атомами. Все предметы, люди и другие живые существа, воздух – все это наборы огромного количества атомов.

2) Все атомы одного элемента обладают одинаковыми свойствами, в том числе одинаковой массой. Атомы разных элементов различаются по массе.

3) Атомы нельзя ни создать, ни уничтожить. Кроме того, атомы нельзя разделить на более мелкие частицы.

4) Атомы разных элементов могут соединяться друг с другом в определенных целых соотношениях, образуя соединения. Соединения – это комбинация атомов разных видов.

5) Химические реакции включают в себя реорганизацию атомов. В ходе химической реакции атомы не создаются и не уничтожаются. Химическая реакция – это перестановка атомов.

Открытие 1896 г. заложило начало этапа ломки атомистических взглядов. Стало ясно, что некоторые атомы могут быть радиоактивными, что означает существование более сложного строения атома. Это вызвало взрыв научного интереса к новому направлению исследований в поиске подтверждения или опровержения неделимости атома, которым с большим увлечением занялось большинство ученых мира.

В 1897 г. британский физик Джозеф Джон Томсон, выполнив немалое число экспериментов с электронно-лучевой трубкой собственной конструкции, собранной для исследования поведения катодных лучей в электрических и магнитных полях, доказал, что катодные лучи, считавшиеся электрическим током в газе, состоят из частиц с измеримой массой и зарядом, которые он назвал электронами. Неделимость атома была разрушена. С этого момента начался этап создания нового видения строения атома. Разрушение устаревшего стереотипа требовало такой модели строения атома, которая объясняла бы накопившиеся знания.

Такую попытку сделал Джозеф Томсон в 1904 г. [11]. Он предложил первую модель атома, впоследствии названную «сливовый пудинг с изюмом», в котором роль изюминок играют электроны. Однако, хлынувший интенсивный поток исследований давал результаты, часть которых не объяснялась моделью Д. Томсона.

Анализируя результаты экспериментов, в том числе собственных, Д. Резерфорд в 1911 г. разработал планетарную модель атома, состоящего из заряженного ядра с электронами, двигающимися вокруг него по замкнутым орбитам, доработанную в 1913 г. Нильсом Бором, который ввел квантовые состояния орбит электронов. Предложенная модель объясняла большинство экспериментов. Для полной картины необходимо было объяснить строение ядра атома.

Научная мысль развивалась, зачастую опережая эксперименты, словно проявляясь под воздействием какой-то неведомой силы, связанной с духовной творческой энергией человека. Так, в ставшей знаменитой Бейкеровской лекции 3 июня 1920 г. «Ядерное строение атомов» («Nuclear Constitution of Atoms») Резерфорд развил свои ранние идеи. Он предположил, что «при некоторых условиях электрон может гораздо теснее соединяться с ядром, образуя своего рода нейтральный дублет (*neutral doublet*)» из протона и электрона

[8]. Бета-радиоактивность, открытая Резерфордом в 1899 г., вполне определенно указывала на наличие электронов внутри атомных ядер. Хотя слово «нейтрон» произнесено Резерфордом не было, лекция дала толчок экспериментальным поискам существования нейтральной частицы.

Еще одним проявлением духовной творческой силы, опередившей время, стала выдвинутая в 1924 г. гипотеза французского физика Луи де Бройля о корпускулярно-волновом дуализме, присущем всем без исключения видам материи: электронам, протонам, атомам. Длина этой волны λ должна выражаться через импульс p следующим образом: $\lambda = h/p$, где h представляет собой универсальную физическую постоянную, названную постоянной Планка. Это было гениальное предвидение. Интенсивные исследования увенчались успехом: в 1927 г. американские физики Клинтон Джозеф Дэвиссон и Лестер Хэлберт Джермер получили экспериментальное подтверждение гипотезы де Бройля о наличии волновых свойств на опытах с электронами, отраженными от кристалла никеля, а уже в 1928 г. – Джордж Томсон (сын Джозефа Томсона, открывшего электрон), наблюдая картину в виде колец при прохождении электронов сквозь тончайшую фольгу из золота.

В результате исследования радиоактивности было сформулировано большое число законов. Исследователи ставили самые разнообразные опыты с влиянием радиоактивных веществ на различные материалы. В результате исследований облучения бериллия альфа-лучами от источника полоний-210 (источник М. Склодовской-Кюри), которые в 1930 г. проводили немецкие физики Вальтер Боте и Герберт Беккер, было обнаружено, что бериллий испускает излучение, которое они сочли «имеющим характер гамма-лучей» [13; 9].

Боте и Беккер получили в своих опытах неизвестное излучения, названное «бериллиевыми лучами», с легкостью проникающими даже сквозь свинцовую пластину, которое сочли странными гамма-лучами, обладающими большой проникающей способностью. Регистрировали лучи с помощью счетчика Гейгера собственной конструкции. Аналогичное излучение обнаруживали и другие исследователи. Налицо наблюдалось формирование очередного разрыва, – начала этапа революционной ломки установившегося представления о составе радиоактивного излучения

Ирэн и Фредерик Жолио-Кюри (Ирэн – дочь прославленных физиков Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри), заинтересовавшись особенностями бериллиевых лучей, в течение 1931–1932 гг. провели опыты с использованием камеры Вильсона, изучая их

взаимодействие с другими веществами. В результате они установили необычность «бериллиевых лучей». Уже была забыта Бейкеровская лекция Д. Резерфорда, взбудоражившая научный мир двенадцать лет назад. Известны были только три вида радиационного излучения: альфа-, бета- и гамма-излучения, которых было вполне достаточно для описания процессов радиоактивного взаимодействия. Сделав оценку энергии гамма-фотона, «выбивающего» протон, они получили чрезвычайно большую для безмассовой частицы величину – более 10^7 эВ. Оставалось неясным, откуда берется столь большая энергия фотонов, и почему, охотно передавая свою энергию протонам, «бериллиевые лучи» в то же время не желают взаимодействовать с атомами свинца.

Перед супругами встала дилемма: либо признать себя экспериментаторами и просто установить факт, либо признать, что это принципиально новое явление, отрицающее все известное, либо же согласиться с тем, что бериллиевое излучение является особым видом гамма-излучения. Они выбрали третий вариант и в статье от 11 января 1932 г., разосланной многим крупным физикам мира, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри сообщили, что излучение Боте-Беккера представляет собой жесткое электромагнитное гамма-излучение, но с оговоркой, что общепринятые законы механики (принцип сохранения энергии и количества движения) не допускают этого.

В январе 1932 г., вероятно, не существовало другого физика в мире, который мог бы, еще не поставив собственных опытов, настаивать на совершенно ином истолковании бериллиевого излучения, кроме Джеймса Чедвика. Прочитав статью парижан, он был потрясен. Чедвик поспешил сообщить Резерфорду, который сказал: «Наблюдениям верю. Объяснению – нет. Что-то тут не так» [3]. Чедвик тоже сомневался в истолковании наблюдений, поэтому немедленно подготовил проверку. Впоследствии Чедвик признавался: «Мои мысли, естественно, вертелись вокруг нейтронов». Чедвик, как ученик Резерфорда, находился под влиянием учителя, он давно и основательно проникся идеей «нейтрона», искал нейтроны и ожидал встретить их в любом новом излучении.

Чедвик понимал, что нужны веские доказательства. Но, как говорят американцы: «Удача падает в руки только подготовленных людей». Он повторил опыты Жолио-Кюри, внеся в них существенные дополнения. Для измерения энергии «ядер отдачи», вылетающих под воздействием бериллиевых лучей из разных мишеней, выполненных на основе различных материалов, Чедвик воспользовался специально построенной импульсной ионизационной камерой с усилителем и осциллографом. Измеряя величину наблюдаемого

на осциллографе импульса, Чедвик определял энергию различных ядер отдачи (протонов, ядер азота и др.). Исходя из закона сохранения энергии и импульса, он пришел к выводу: бериллиевые лучи или излучение, возникающее при бомбардировке бериллия альфа-излучением от полония-210, есть не что иное, как поток нейтральных частиц. Чедвик, применяя закон сохранения импульса, определил массу нейтрона, которая оказалась практически равной массе протона.

27 февраля 1932 г. (то есть спустя всего лишь месяц после опубликования работы Жолио-Кюри) появляется краткое сообщение Чедвика «Возможность существования нейтрона». 12-летняя погоня за призраком, блуждавшим в стенах Кавендишской лаборатории, завершилась удачей. Появилась недостающая частица в строении атома – нейтрон, который образует один из строительных кирпичей, из которых состоят атомы и молекулы, а значит, и вся материальная Вселенная. Планетарная модель атома, предложенная Резерфордом, подтвердилась.

Если до открытия нейтрона научные исследования радиоактивности приписывали к химии, то с открытием нейтрона появляется новый раздел науки – ядерная физика.

С этого момента происходит взрыв научного интереса к широчайшему спектру задач, связанных с устройством ядра и с процессами ядерных взаимодействий. Итальянский физик Энрико Ферми в результате экспериментов по изучению нейтронов в 1934 г. положил начало нейтронной физике, обнаружив возможность замедления нейтронов ядрами легких элементов, что приводило к усилению реакций искусственной радиоактивности. В новом направлении науки предметом исследований стал сам нейтрон и применение нейтронного излучения. С 1934 г. обсуждалось наличие магнитного момента нейтрона, измеренного в 1939 г. За период десятка последующих лет стало известно о распаде нейтрона на протон и электрон, о волновых свойствах нейтрона и его квантовых характеристиках. Сегодня явления преломления нейтронной волны стали использовать не только для построения нейтронных зеркал, но и для изготовления линз и призм.

Продолжение в следующем номере журнала.

Библиографический список:

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 356 с.
2. Голубь П.Д. Из жизни творцов физической науки / П.Д. Голубь, А.В. Овчаров, А.Д. Насонов. Барнаул: Изд. АлтГПУ, 2017, 359 с.

3. Еманова М.В. Джеймс Чедвик. Открытие нейтрона [Электронный ресурс] // АТОМ. Режим доступа: <http://book.sarov.ru/wp-content/uploads/2021/04/Atom-86-2020-7.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).
4. Капустинская К. А. Анри Беккерель. М.: Атомиздат, 1965. 83 с.
5. Кюри М. Радиоактивность. М.: Изд. физико-математической литературы, 1960. 516 с.
6. Кюри М. Пьер Кюри. М.: Наука, 1968. 176 с.
7. Овчаров А.В. Из истории открытия радиоактивности / А.В. Овчаров, П.Д. Голубь // Наука и Школа. 2021. № 3. С. 226-234.
8. Мамедов Г.М. К 125 летию открытия рентгеновских лучей // На пути к открытию Х-лучей // Биомедицина (Баку). 2020. № 18(2). С. 27-29.
9. Рычин В. Нейтрону – 90 лет [Электронный ресурс] // Atominfo. Режим доступа: <http://www.atominfo.ru/newsz04/a0967.htm> (дата обращения: 01.10.2025).
10. Тарасов Л. Открытие нейтрона // Квант. 1979. №5. С. 8-14.
11. Этот день в истории: 1895 год — Рентген поведал миру об открытых им лучах [Электронный ресурс] // ЕА Daily. Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/12/28/etot-den-v-istorii-1895-god-rentgen-povedal-miru-ob-otkrytyh-im-luchah> (дата обращения: 29.09.2025).
12. Patterson E. John Dalton and the atomic theory: the biography of a natural philosopher. N.Y.: Doubleday, 1970. 400 p.
13. Thomson J. On the Structure of the Atom: an Investigation of the Stability and Periods of Oscillation of a number of Corpuscles arranged at equal intervals around the Circumference of a Circle; with Application of the Results to the Theory of Atomic Structure // Philosophical Magazine Series 6: journal. 1904. Vol. 7, No. 39. P. 237.

Kolesnikov A.G. Neutron Physics: genesis and development prospects (Part I)

The history of neutron physics is revealed, covering the period from the prerequisites of its origin to the present day. It is concluded that the formation of neutron physics as an independent discipline was influenced not only by the scientific laws of development, but also by the phenomenon of a special research spirit that individual scientists are endowed with.

Keywords: atomic physics, molecular physics, nuclear physics, radioactivity, radioactive decay, nuclear engineering, nuclear (atomic) power engineering, nuclear industry, applied nuclear physics.

УДК 304.4

Е.А. Айрапетов

**Поколения и техногуманизм: границы человеческого в эпоху
цифровой революции**

Аннотация:

Цифровая революция кардинально изменила наше понимание человечности, вызвав новые философские размышления о границах человеческого в технологически насыщенном мире. Техногуманизм предлагает свежий взгляд на человека как на динамическую сущность, способную к значительным изменениям благодаря технологиям, в отличие от трансгуманизма, который стремится преодолеть биологические ограничения. Исследуется, как цифровые технологии влияют на нашу идентичность, взаимодействие с технологиями и социокультурные трансформации, вызванные цифровой революцией. Особое внимание уделяется поколенческим различиям в восприятии технологий, особенно поколению Z, для которого цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни. Подчеркивается важность сохранения гуманистических ценностей в эпоху технологического прогресса, акцентируя внимание на концепциях гуманологии, экосистемного подхода и мультивидуальности.

Ключевые слова: цифровая революция, техногуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, гуманология, экосистемный подход, поколение Z (центениалы), поколенческие различия.

Об авторе: Айрапетов Егор Анатольевич, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: toto21092005@gmail.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение. Цифровая революция не только изменила способы коммуникации, работы и отдыха, но и поставила перед человечеством фундаментальные вопросы о сущности самого человека. Где пролегают границы человеческого в мире, в котором технологии все глубже проникают в тело, разум и повседневную жизнь? Что значит быть человеком в эпоху искусственного интеллекта, нейросетей, биотехнологий и виртуальной реальности? Эти вопросы становятся особенно актуальными, если рассматривать их через призму поколений – от тех, кто застал доцифровую эпоху, до тех, кто с рождения существует в симбиозе с технологиями.

Техногуманизм, как философское и культурное течение, предлагает новый взгляд на человека – не как на биологический вид, ограниченный естественными возможностями, а как на динамическую сущность, способную к радикальным изменениям с помощью технологий. Однако восприятие этих идей сильно различается между поколениями. Представители поколения бэби-бумеров, миллениалов, зумеров и поколения альфа – у каждой из этих групп свой опыт, ценности и уровень принятия техногуманистических идей.

Каждое поколение по-своему проводит границы между «естественным» и «искусственным», формирует уникальные представления о человеческой природе. Поколенческая идентичность влияет не только на адаптацию к технологическим вызовам, но и на этические и философские ориентиры в условиях быстро меняющейся реальности.

Идентичность и повседневные практики «хомо коммуникатимус»

Эпоха цифровой революции кардинально меняет границы человеческого, формируя новые формы существования личности и общества. Влияние технологий на человека настолько глубоко, что уже сейчас можно говорить о зарождении принципиально иного типа субъекта – «хомо коммуникатимус», чья идентичность и повседневные практики неразрывно связаны с цифровыми инструментами [4]. Это поколение мыслит клипово, воспринимает мир через поток образов из соцсетей и мгновенных сообщений, а его когнитивные способности подстраиваются под ритмы онлайн. Такая трансформация идентичности наводит на размышления о будущем человеческой природы как таковой.

На этом фоне все чаще звучат размышления о постчеловеке – существе, преодолевшем биологические ограничения благодаря технологиям [1]. Трансгуманисты видят в этом эволюционный скачок, но критики, такие как Габриэль Марсель, предупреждают: субъект рискует утратить саму человечность, превратив окружающих в объекты манипуляции [4]. Возникает необходимость в альтернативной позиции, чем и

оказывается техногуманизм, стремящийся примирить технологический прогресс с классическими ценностями гуманизма.

Сущность и проявления техногуманизма

Техногуманизм, как одно из направлений постгуманизма, ориентирован на интеграцию технологий в тело и сознание человека, расширяя его физические и когнитивные возможности [1; 6]. В основе этого подхода лежит использование искусственного интеллекта и других передовых технологий для преодоления биологических ограничений. Однако такой подход вызывает вопросы о самой природе человека: если тело и разум можно бесконечно модифицировать, то где проходит граница между человеком и машиной? Как подчеркивал Хайдеггер, избыточное увлечение технологиями может привести к доминированию «вычислительного мышления», при котором человек теряет способность к глубокой рефлексии и осмыслению бытия [6].

Таким образом, мы наблюдаем не просто техническую эволюцию, а смену самого антропологического основания. Традиционная биологическая эволюция *Homo sapiens* уступает место информационно-кибернетической, в которой искусственный интеллект и робототехнические системы становятся полноправными носителями разума. В цифровом пространстве размываются границы между «я» и аватаром, возникают новые формы субъектности – мультивидуумы, воплощающие идею множественной личности. Как писал Уолт Уитмен: «Я велик, меня – миллионы» [7].

Это находит отражение в концепции социопозии, согласно которой социальные роли воспринимаются как театральные образы, а общество – как грандиозное представление, в котором каждый актер играет множество ролей, свободно дистанцируясь от фиксированной идентичности [7]. Цифровая эпоха ставит перед человечеством принципиально новые вопросы о природе и границах человеческого. В этом контексте техногуманизм возникает как философская позиция, предлагающая синтез традиционных гуманистических ценностей и стремительного технологического прогресса. В отличие от трансгуманизма, делающего акцент на преодолении биологических ограничений, и антитехницизма, отвергающего технологическое развитие, техногуманизм утверждает глубокую взаимосвязь человека и создаваемых им технологий [7].

Именно на этом пересечении формируется новая дисциплина – гуманология, исследующая человека в условиях его интеграции с техносферой. В гуманологии принято выделять два направления: эко-гуманологию, фокусирующуюся на уникальных аспектах

человеческого – телесности, творчества и т.д., а также техно-гуманологию, изучающую передачу человеческих функций машинам. Человеческое здесь предстает как «редкий вид», нуждающийся в сохранении, подобно исчезающим формам культуры, например, ручному письму в эпоху цифровой подписи [7].

Суть техногуманизма – в осмыслении технологий как продолжения творческой природы человека. Эта идея восходит к античному технэ (τέχνη) — мастерства и искусства, ремесла. Подобно тому, как писатель наделяет своих литературных персонажей самостоятельностью и внутренней свободой, современный человек передает элементы автономии создаваемым им техническим системам – искусственному интеллекту, кибернетическим организмам и другим формам. Этот процесс можно рассматривать через призму концепции кенозиса – богословской идеи самоумаления, где человек, подобно Богу в христианской традиции, «истощает» себя в своих творениях, расширяя тем самым границы человеческого далеко за пределы биологической природы [7].

Обозначенные процессы приводят к глубокому кризису традиционного гуманизма. Классические гуманитарные науки, сосредоточенные на изучении «человеческого как такового», уступают место новым исследовательским парадигмам, рассматривающим человека в ряду других форм разума – искусственного интеллекта, киборгов, гибридных систем. Здесь прослеживается любопытная аналогия с теологией: если а-теология изучает Бога в его «отсутствии» и «молчании», то гуманология исследует человеческое в условиях его «исчезновения» в технологиях [7]. Тем самым техногуманизм формируется как мировоззрение, которое направлено на расширение человеческих способностей – как когнитивных (ИИ, нейротехнологии), так и физических (биопротезы, сенсорные импланты) [3].

Трансгуманизм, как ответвление техногуманизма, рассматривается как философское течение, стремящееся к эволюционному переходу к «постчеловеку» с помощью технологий, включая идеи бессмертия, киборгизации и клонирования [1]. Вместе с тем техногуманизм формируется на стыке философии и естественных наук, включая разработки в области искусственного интеллекта, биотехнологий и нейроинтерфейсов. Современные протезы, управляемые силой мысли, или алгоритмы обработки данных, меняющие человеческую природу, выступают здесь показательными примерами.

Цифровая революция, размывающая границы между человеком и машиной, порождает не только киборгизацию, но и новые мировоззренческие конструкции, такие как

техногайянизм (технологии как способ восстановления природы) и технотрансцендентализм (выход сознания за пределы тела) [3].

В этом контексте происходит переосмысление концепции сверхчеловека, предложенной Фридрихом Ницше. В техногуманизме он понимается не как отказ от человеческого, а как его творческое преодоление. Человек становится «мостом» к новым формам разума, участником грандиозной творческой эстафеты: от Бога – к человеку, от человека – к искусственному интеллекту [7]. Автономия машин, рождаясь из человеческого духа, раскрывает уникальную способность человека к самоотчуждению и творческому кенозису.

Однако этот прогресс сопряжен с рисками. В частности, возникает новое социальное неравенство: доступ к технологиям становится определяющим фактором не только уровня жизни, но и участия в социуме [4]. Пока одни используют нейросети для творчества или зарабатывают на криптовалютах, другие остаются за пределами цифрового мира из-за отсутствия образования или инфраструктуры. Образование пытается догнать эти изменения, делая ставку на медиаграмотности и критическом мышлении, но рискует готовить специалистов для профессий, которые к моменту выпуска исчезнут [4].

Автоматизация и роботизация перекраивают рынок труда: алгоритмы заменяют бухгалтеров, а чат-боты – службу поддержки. Технооптимисты сравнивают это с переходом от аграрного общества к индустриальному – болезненно, но неизбежно. Однако скорость изменений беспрецедентна: за последние двадцать лет цифровые технологии изменили человека сильнее, чем предыдущие два столетия промышленного прогресса [3].

Новые поколения будут воспринимать роботизацию и искусственный интеллект как неотъемлемую часть своей жизни, в отличие от своих родителей, которые испытывали стресс, пытаясь осмыслить масштабы грядущих перемен [5]. Цифровая революция меняет не только формы потребления, но и саму форму существования мира, что требует переосмысления жизнедеятельности человека в новой реальности.

Техногуманизм становится новой мировоззренческой системой, актуальной для технологически развитых обществ, и требует дальнейшего философского осмысления, особенно в условиях усиливающегося слияния человека и машины. Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0) характеризуется слиянием физического, цифрового и биологического миров, что влияет на все сферы жизни, включая представления о человеческой природе. Технологии искусственного интеллекта и

автоматизация вытесняют людей из традиционных интеллектуальных профессий (юристов, бухгалтеров), оставляя им либо низкоквалифицированный труд, либо высокоспециализированные роли [5]. Это приводит к массовой безработице и социальному расслоению, что актуально для всего мира.

Возникает главный парадокс цифровой эпохи: технологии, расширяя возможности, в то же время сужают границы человеческого. Виртуальная реальность, например, становится убежищем от одиночества, но лишает живого общения; искусственный интеллект может диагностировать болезни точнее врачей, но это делает медицину недоступной для многих [4]. Таким образом, цифровая революция – это не просто смена инструментов, а переосмысление самого понятия «быть человеком» в мире, где границы между природным и искусственным, реальным и виртуальным постепенно стираются.

Эксперты предупреждают о последствиях цифровой революции для человеческой личности, среди которых мозговая дискриминация, угроза потери приватности, утрата творчества, стирание границ между человеком и машиной, снижение уровня живого общения [5]. Уже сегодня можно зафиксировать отчуждение человека от реального мира из-за погружения в цифровую среду, что ведет к потере индивидуальности и алгоритмизации поведения. В свете подобных изменений философы и социологи, такие как Л. Мамфорд, подчеркивают необходимость контроля над технологиями. Они считают, что технологии должны служить человеческим ценностям, а не подчинять себе личность. Так, известный гуманист и социальный теоретик Э. Фромм отмечал, что автоматизация может привести к дегуманизации, превращая людей в бездуховных и равнодушных существ [5].

Цифровизация открывает новые возможности, такие как дистанционное образование, удаленная работа и расширение доступа к информации, однако и они сопряжены с рисками интернет-зависимости и разрыва с реальным социумом. В ответ на радикальные трансгуманистические идеи существует альтернатива – экосистемный подход, рассматривающий человека и технологии как взаимосвязанные элементы единой системы. Здесь технологии не заменяют человеческое, а дополняют его, сохраняя баланс между прогрессом и гуманистическими ценностями. Ключевая идея экосистемного подхода заключается в том, что человек должен оставаться центром технологического развития, а не его жертвой [6].

В условиях цифровой среды формируется новое поколение – центениалы (поколение Z). Цифровая среда для них выступает естественной средой обитания. Они не испытывают

страха перед искусственным интеллектом или интернетом вещей, а их мышление прагматично, поскольку они предпочитают функциональность и коллективную солидарность, отказываясь от иерархий в пользу горизонтальных сетей. В отличие от миллениалов, ориентированных на успех и романтику, центениалы делают ставку на «эффективности»: «образование – творчество – доход» [2]. Их коллективизм выражается в сетевой взаимопомощи, а восприятие глобальных вызовов – в желании использовать технологии для их решения, а не в панике перед будущим.

Таким образом, поколение Z демонстрирует модель симбиоза с технологиями, воспринимая их не как угрозу, а как инструмент. Они верят, что интеллектуальное развитие зависит от среды и выбора, а не от цифровизации как таковой. Это поколение становится носителем нового гуманизма, в котором технологии усиливают человеческое, а не подменяют его.

Заключение

Цифровая революция переосмысливает само понятие человека, его роль, границы и возможности. В новой реальности техногуманизм становится не столько философским направлением, сколько необходимым мировоззренческим ориентиром, стремящимся сохранить человечность в условиях стремительного технологического прогресса. Он предлагает не отказаться от машин, но переосмыслить их как продолжение творческой сущности человека, как вызов, на который нельзя не ответить. Гуманология, экосистемный подход, концепции мультидивидуальности и кенозиса – все это формирует новое философское пространство, в котором человек больше не противопоставляется технологиям, а взаимодействует с ними. В этой перспективе цифровое становится не концом человеческого, а его новым началом, при условии, что мы сможем сохранить ценности, которые делают нас людьми: эмпатию, рефлекссию, свободу и способность к самоограничению.

Поколение Z, выросшее в цифровой среде, уже демонстрирует возможность симбиотического сосуществования с технологиями. Возможно, именно это поколение и станет тем мостом, который соединит гуманистическое прошлое с постгуманистическим будущим, не утратив при этом главного – осознания своей человечности. В этом и заключается главный вызов и главная надежда техногуманизма.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н.Г. Багдасарьян, А.Л. Кравченко // Логос. 2022. Т. 32, № 6(151). С. 245-272.
2. Бреслер М.Г. Живущие в цифровом мире. Надежда и страх будущего у поколения Z / М.Г. Бреслер, Н.А. Алексеева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. № 2. С. 165-173.
3. Васенкин А.В. Мировоззренческое обоснование техногуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2025. № 1. С. 53–63.
4. Лига М.Б. Человек в эпоху цифровизации общества / М.Б. Лига, И.А. Щеткина // Гуманитарный вектор. 2021. № 2. С. 29-38.
5. Малинина Т.Б. Человек в цифровую эпоху // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4. С. 146-156.
6. Соломко Д.В. «Человек – технизированный мир»: экосистемный подход // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10. С. 31-37.
7. Эпштейн М.Н. Техногуманизм: техника как творческое самопреодоление человека // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2014. № 1. С. 137-155.

Ayrapetov E.A. Generations and technohumanism: the limits of the human in the era of digital revolution

Article explores how digital technologies affect our identities, interactions with technology, and the sociocultural and philosophical transformations brought about by the digital revolution. Particular attention is paid to generational differences in the perception of technology, especially Generation Z, for whom the digital environment has become an integral part of life. The author emphasizes the importance of preserving humanistic values in the era of technological progress, focusing on the concepts of humanology, ecosystem approach and multidiversity.

Keywords: digital revolution, technohumanism, posthumanism, transhumanism, humanology, ecosystem approach, generation Z (centenarians), generational differences.

УДК 316.75

В.А. Савельев

Этические проблемы цифрового бессмертия

Аннотация:

Рассматриваются этические вопросы, связанные с явлением цифрового бессмертия, которое становится возможным благодаря развитию инновационных технологий – баз данных, искусственного интеллекта и нейросетей. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного методом фокус-групп среди студентов технического вуза. Сделан вывод об актуальности юридических, культурных и этических аспектов цифрового бессмертия.

Ключевые слова: цифровое бессмертие, этические проблемы, искусственный интеллект, инновационные технологии.

Об авторе: Савельев Вадим Антонович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии»; эл. почта: Vadimpochta05@mail.ru

Научный руководитель: Коган Евгения Александровна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: kogan2502@yandex.ru

Введение

Современный мир переживает стремительное развитие технологий, которое буквально переворачивает привычные представления о жизни. Возникает искусственный интеллект (ИИ), способный решать сложные задачи, анализировать огромные объемы данных и даже генерировать арт-объекты. Все большее внимание уделяется большим данным, позволяющим анализировать огромные массивы информации для выявления скрытых закономерностей и прогнозирования трендов. Наконец, широкую популярность получают облачные сервисы, предоставляющие доступ к мощным вычислительным ресурсам и хранилищам, не зависящим от физического местоположения.

Цифровая революция не просто ускоряет развитие человечества, но и открывает двери к совершенно новым возможностям, в том числе и к потенциальному цифровому бессмертию. На горизонте маячит перспектива создания цифровых копий человеческих личностей, хранящих воспоминания, знания и индивидуальные особенности человека. С помощью ИИ и анализа больших данных появляется возможность глубже изучить и смоделировать человеческий мозг, а затем перенести эту модель в виртуальную среду, создав таким образом цифровую копию субъекта, способную взаимодействовать с окружающим миром и даже ощущать эмоции.

Цифровое бессмертие, которое еще вчера казалось фантастикой, сегодня становится реальностью, благодаря взрывному развитию технологий. Концепция цифрового бессмертия возникла на стыке двух революционных научных достижений: сравнения работы головного мозга с функционированием компьютерного процессора и молекулярного конструирования. Эти открытия дали толчок развитию идеи искусственного интеллекта, которая в свою очередь породила проекты по кибернетическому бессмертию.

Первым значительным шагом на пути к концепции стало создание интегрированных человеко-машинных интерфейсов, основанных на электрической активности головного мозга. Разработка имплантов и повязок, считывающих электромагнитную активность мозга и кодирующих информацию для взаимодействия с машинами, продемонстрировала возможность интеграции цифровых технологий в тело человека и преодоления его биологических ограничений. Это открытие, по сути, свидетельствует о возможности создания модифицированного человека, где граница между органическим и искусственным, живым и неживым становится размытой. Такая перспектива проблематизирует само понятие человечности, а также традиционные представления о смерти и бессмертии, поднимая ряд сложных этических и философских дилемм [10].

Для реализации цифрового бессмертия необходимо собрать и сохранить максимальное количество информации о человеке, отражающей его личность, опыт и ценности. Все это может быть достигнуто с помощью фото-, аудио- и видеоматериалов, текстовых сообщений, записей телефонных разговоров, электронной почты, постов в социальных сетях, публикаций в блогах и др. Помимо сбора информации, цифровое бессмертие предполагает использование искусственного интеллекта для обработки и анализа полученных данных с целью создания цифрового двойника.

Этот двойник может взаимодействовать с окружающим миром, имитируя манеру общения, поведение и решения человека. Платформы, позволяющие людям создавать цифровые копии себя и делиться ими с другими, создаются уже сегодня. Такие платформы могут содержать информацию о жизненных событиях, интересах, целях и личных чувствах человека. Потенциально цифровое бессмертие может осуществляться с помощью робототехники, которая позволит создавать физические тела для цифровых двойников, и нейротехнологий, с помощью которых удастся загрузить сознание человека в цифровой носитель. Однако эти технологии еще находятся на ранних стадиях развития, а вопрос о реализации истинного цифрового бессмертия остается открытым [9].

В рамках современной теории культуры концепция цифрового бессмертия рассматривается через призму философских и естественнонаучных направлений. В этой связи особую значимость обретает русский космизм, в частности, идеи Н.Ф. Федорова, видевшего в научно-техническом прогрессе средство для воскрешения предков [6].

Другой значимый подход представляет трансгуманизм, восходящий к работам Дж. Холдейна и развитый в трудах Р. Курцвейла, Н. Бострома и др. [8; 4]. Технологическая трансформация человека рассматривается здесь как путь к преодолению биологических ограничений, включая смертность [7]. Современные достижения в области искусственного интеллекта, такие как нейросетевые модели и когнитивные симуляции актуализируют дискуссию о возможности цифрового продолжения.

Эмпирические исследования последних лет подтверждают растущий интерес общества к цифровому бессмертию, однако значительная часть публикаций на эту тему носит реферативный характер. Концепт «цифровое бессмертие», безусловно, противоречив, поднимает множество проблем, пути решения которых еще не осмыслены в полной мере, однако перманентный процесс развития технологий вынуждает человечество осмысливать эту проблему и выводить ее в пространство дискуссии [1; 3].

Трансгуманистический подход рассматривает цифровое бессмертие как возможность преодоления биологических ограничений и достижения нового уровня развития человечества. По мысли трансгуманистов, переход личности в цифровую среду открывает перед человеком ряд преимуществ. Во-первых, «освободившись» от физического тела, человек получит доступ к неограниченным ресурсам интеллекта. Во-вторых, «цифровой бессмертный» обретает мгновенный доступ к информации из самых разных источников, возможность взаимодействовать с реальным миром посредством

устройств и гаджетов. Он может воплощаться в виртуальных мирах в виде аватара, управлять роботами в физическом мире. В-третьих, будучи цифровой копией, «цифровой бессмертный» может синхронизировать свои знания и действия между несколькими экземплярами самого себя, что обеспечит ему дополнительную защиту от гибели. Наконец, переход от живого человеческого существа к бессмертной цифровой личности откроет возможность создания «цифровых богов», способных к общению, генерации идей и бесконечному воплощению задуманного, становясь творцами цифровых вселенных [1].

Несмотря на привлекательность концепции цифрового бессмертия, предлагаемой трансгуманистами, с этической точки зрения она порождает ряд серьезных проблем. Возникает вопрос о моральной ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом, который станет основой для реализации цифрового бессмертия. Кто несет ответственность за действия ИИ, если он станет определять судьбу человека в виртуальной среде? Правильно ли превращать мораль в алгоритм, заложенный в программный код?

Кроме того, актуализируется проблема понимания соотношения реальной личности и ее «цифрового двойника», требующая переосмысления самой концепции человеческой телесности. Наконец, перед человечеством встают метафизические вопросы о природе цифровой смерти, телесности в цифровой реальности и самой сущности человека в новом контексте. Наиболее сложной проблемой остается религиозно-нравственная оценка цифрового бессмертия. Хотя некоторые религиозные течения, признающие переселение душ, могут позитивно воспринимать идею цифрового бессмертия, оно может привести и к формированию новой «цифровой религии» со специфической идеологией и воздействием на массы [6].

Этические аспекты цифровой танатологии как одного из ключевых направлений цифровой этики вызывают споры. Некоторые вопросы цифровой танатологии носят прогностический характер, что связано с трансформацией философских концепций общества в условиях его перехода к информационной фазе развития. В этой связи цифровая проблематика требует дальнейшей разработки как теоретических основ этики, так и практических правовых инструментов для регулирования возникающих морально-этических коллизий [2].

Анализ цифрового бессмертия как одного из ключевых направлений цифровой этики демонстрирует его междисциплинарный характер. Согласно исследованиям, эта проблема рассматривается в рамках этики цифрового посмертия, которая пересекается с этикой

искусственного интеллекта, поскольку технологии ИИ активно используются для создания цифровых копий умерших.

В научной литературе выделяется ряд актуальных этических вызовов, включающий вопросы монетизации цифрового наследия, определения правового статуса «информационных тел» и «цифровых останков», а также проблему цифрового траура и троллинга умерших. Острота этих вопросов усугубляется отсутствием четкой нормативно-правовой базы, регулирующей подобные практики [5].

Методы социологического исследования

В рамках исследования автором предпринята попытка эмпирического изучения восприятия концепции цифрового бессмертия студенческой молодежью. Для этого было организовано и проведено две фокус-группы с участием студентов технических вузов Москвы. Выбор целевой аудитории обусловлен тем, что будущие специалисты в области высоких технологий представляют собой ключевую группу, которая не только будет непосредственно сталкиваться с практическими аспектами реализации технологий цифрового бессмертия в профессиональной деятельности, но и может оказать существенное влияние на формирование этических норм в этой области.

В ходе дискуссий особое внимание уделялось этической составляющей концепции, включая вопросы правового статуса цифровых копий личности, проблему согласия на посмертное использование персональных данных, а также морально-философские аспекты искусственного продления цифрового существования человека. Полученные данные позволяют не только зафиксировать текущее отношение молодого поколения к технологической перспективе, но и выявить основные этические дилеммы, которые воспринимаются респондентами как наиболее острые и требующие первоочередного решения.

Наконец, проведенное исследование вносит вклад в понимание социокультурных факторов, влияющих на восприятие технологий цифрового бессмертия, что позволяет наметить направления для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке этики, права и компьютерных технологий.

Результаты

В ходе проведенных фокус-групп выявлено преимущественно нейтральное отношение участников к видеоконтенту, использующему оцифрованные образы исторических личностей, что свидетельствует о постепенной нормализации восприятия

подобных технологий в молодежной среде, однако в ходе дискуссии обозначился ряд этических вопросов, требующих дополнительного осмысления.

Студенты технических специальностей, демонстрируя в целом прагматичный подход к цифровым реконструкциям исторических фигур, выразили озабоченность отсутствием четких правовых механизмов, регулирующих создание и распространение такого контента, что особенно ярко проявилось в высказываниях о необходимости установления границ допустимого использования цифровых реплик. Приведем несколько цитат студентов, демонстрирующих отношение к видеороликам:

«Довольно интересно, плюсом это довольно хороший способ для заработка в интернете».

«Отношусь нейтрально, главное, чтобы не использовалось в корыстных целях».

«Это приколы, но, например, родственникам Сталина может быть обидно, ответственность должна лежать на тех, кто это делает».

«А меня это очень пугает – сам факт таких роликов, когда ты видишь умершего человека».

Как отмечали некоторые респонденты, ключевая проблема заключается в определении степени достоверности представляемой информации и предотвращении возможных манипуляций с историческим нарративом через подобные технологические решения.

Особый интерес вызвала дискуссия о праве на защиту посмертного образа и потенциальных злоупотреблениях при коммерциализации цифровых двойников, где мнения разделились между признанием свободы творческого выражения и требованием этических ограничений. Полученные данные позволяют сделать вывод о формирующемся запросе молодого поколения на разработку нормативной базы, которая учитывала бы как технологические возможности создания убедительных цифровых репрезентаций, так и необходимость сохранения исторической достоверности и уважения к личности умерших.

При обсуждении вопросов правового регулирования цифрового наследия участники фокус-групп предложили широкий спектр возможных решений, включая разнообразные варианты:

«Доступ должен регулироваться специальным цифровым завещанием, где человек сам определяет судьбу своих данных».

«Необходим государственный орган, который будет контролировать использование цифровых копий после смерти».

«Ближайшие родственники должны иметь исключительное право распоряжаться цифровым наследием умершего».

Анализ высказываний позволяет сделать вывод о наличии трех основных подходов к решению обозначенной проблемы: принцип личной автономии (право индивида заранее определять судьбу своих цифровых данных), семейно-родственный принцип (приоритетное право близких родственников на распоряжение наследием) и государственно-регулятивный подход (необходимость создания специализированных институтов контроля).

Результаты свидетельствуют о сложности и многогранности проблемы правового регулирования цифрового бессмертия, требующей комплексного решения, учитывающего как право личности на посмертную цифровую идентичность, так и интересы общества в предотвращении злоупотреблений в этой сфере. Особую актуальность приобретает вопрос разработки четких юридических механизмов, которые могли бы гармонично сочетать эти различные аспекты.

Интерес и эмоциональную вовлеченность участники исследования продемонстрировали при обсуждении перспектив личного цифрового бессмертия, где преобладала тревожность относительно необходимости взаимодействия с искусственными репликами умерших, что вызывает психологический дискомфорт и этические сомнения:

«Я не против пообщаться со своим умершим родственником, но я не знаю, насколько это потом повлияет на меня».

«Иногда хочется увидеть близкого человека, но какие потом будут от этого последствия?».

Анализ позиций показал, что современные морально-этические установки молодежи создают значительные барьеры для принятия цифрового бессмертия, при этом ключевые возражения касались нарушения естественного порядка жизни и смерти, потенциальных психологических травм для родственников, а также опасений относительно возможной подмены подлинных человеческих отношений их технологическими симулякрами.

Выявленная настороженность подчеркивает существование глубоких ценностных противоречий между технологическими возможностями и традиционными представлениями о природе человеческого существования, что указывает на

необходимость тщательной этической проработки этого вопроса и постепенной социальной адаптации к подобным инновациям через образовательные программы и публичные дискуссии, призванные снизить уровень тревожности и сформировать более взвешенное отношение к перспективам посмертного цифрового существования.

Заключение

Концепция цифрового бессмертия занимает значимое место в современной теории культуры, представляя собой один из ключевых дискурсов на пересечении технологических возможностей и антропологических оснований человеческого существования, что находит отражение в активных философско-этических дебатах о природе идентичности, границах жизни и смерти в условиях цифровой эпохи.

Результаты эмпирического исследования среди студентов технических вузов демонстрируют амбивалентное отношение к этой проблематике: с одной стороны, фиксируется прагматичное восприятие технологических аспектов цифрового бессмертия, с другой – выраженная этическая настороженность, особенно в вопросах, касающихся личного взаимодействия с цифровыми репликами умерших и правового регулирования посмертного цифрового существования.

Открытыми остаются вопросы, требующие дальнейшего междисциплинарного изучения: определение этических границ воссоздания личности в цифровой среде, разработка правовых механизмов защиты цифрового наследия, а также исследование долгосрочных социокультурных последствий внедрения технологий цифрового бессмертия для трансформации традиционных представлений о жизни, смерти и человеческой идентичности.

Библиографический список:

1. Буин Н.А. Концепт «цифровое бессмертие» в современной теории культуры / Н.А. Буин, М.К. Старостина // Культура: теория и практика. 2019. №6 (33). С. 14.
2. Булычев И.И. Современные проблемы и перспективы цифровой танатологии: этический аспект / И.И. Булычев, Ю.В. Назарова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №4 (40). С. 57-69.
3. Копылов С.А. Цифровое бессмертие // Общество и культура: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы V Всероссийской студенческой научно-практической

конференции, Новосибирск, 19 мая 2020 года. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 164-168.

4. Курцвейл Р. Эволюция разума: как технологии изменят человека и будущее человечества. М.: Эксмо, 2019. 512 с.
5. Назарова Ю.В. Проблема бессмертия в контексте цифровой этики // Общество: философия, история, культура. 2021. №11 (91). С. 17-21.
6. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Прогресс, 1995–2000.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 416 с.
8. Холдейн Дж. Б. С. Дедал // Классики науки о будущем: антология / сост. А. И. Асеев. СПб.: Амфора, 2020. С. 45-80.
9. Chernavskaya O. To the problem of digital immortality // Cognitive Systems Research. 2024. Т. 88. С. 101-103.
10. Savin-Baden M. The ethics and impact of digital immortality / M. Savin-Baden, D. Burden, H. Taylor // Knowledge Cultures. 2017. Vol. 5, No. 2. Pp. 178-196.

Savelyev V.A. Ethical Issues of Digital Immortality

The article examines ethical questions related to the phenomenon of digital immortality, made possible by advancements in innovative technologies such as databases, artificial intelligence, and neural networks. The results of an empirical study conducted through focus groups among students of a technical university are presented. Based on the findings, legal, cultural, and ethical aspects of digital immortality are highlighted.

Keywords: digital immortality, ethical issues, artificial intelligence, innovative technologies, students of Moscow technical universities.

УДК 316

Я.Д. Гордеев

Российская научная дипломатия на Кубе: горизонты взаимодействия

Аннотация:

Рассмотрены основные подходы к определению термина «научная дипломатия», охарактеризованы основные акторы научной дипломатии. Приведена историческая справка основных достижений кубинской науки, которые подтверждают наличие в стране научной школы, необходимой для равноправного сотрудничества с другими странами. Проанализированы крупнейшие проекты внешнеполитической кооперации Кубы, выделены основные направления ее международного сотрудничества с Россией. Сформулирована рекомендация по углублению сотрудничества России и Кубы в сфере мирного атома по линии Госкорпорации Росатом, а также стимулированию совместной научной работы в геологии для дальнейшего промышленного партнерства.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, российская внешняя политика, Россия, Куба, научная дипломатия.

Об авторах: Гордеев Яков Дмитриевич, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: gordeevyd@my.msu.ru

Научный руководитель: Чумакова Анастасия Андреевна, МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: atchoumakova@mail.ru

Введение

В условиях формирования нового мирового порядка, России необходимо укреплять связи с государствами, в отношениях с которыми были достигнуты большие успехи. Республика Куба – давний стратегический партнер России в регионе Латинской Америки и

Карибского бассейна. Куба обладает собственной сильной научной традицией. По этой причине сотрудничество с островом представляется весьма перспективным. Приоритетными направлениями исследований выступают геология, биотехнологии, медицина, а также науки о мозге. Одним из ключевых инструментов сотрудничества между странами в научно-технологической сфере становится научная дипломатия.

Под термином «научная дипломатия» понимаются три разных аспекта [1, с. 194]. Во-первых, это так называемая «наука в дипломатии», научное сопровождение внешнеполитической деятельности. К ней можно отнести, например, деятельность различных аналитических центров. Во-вторых, это «наука для дипломатии» – использование международного научного взаимодействия для продвижения своих интересов за рубежом: политических, экономических и других. Третий аспект – «дипломатия для науки», политико-дипломатическое обеспечение международного научного взаимодействия. Оно включает политическую, институциональную и юридическую базу.

Акторы научной дипломатии России

Концептуальные основы научной дипломатии России заложены в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, а также Концепции внешней политики Российской Федерации [15; 16; 17]. В последней версии Концепции внешней политики Российской Федерации заявлено, что Россия намерена развивать отношения с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна с учетом возрастающей роли стран этого региона на международной арене на прагматичной и взаимовыгодной основе, уделяя приоритетное внимание укреплению дружбы и углублению многопланового партнерства.

В этой связи основными акторами в научной дипломатии выступают федеральные органы исполнительной власти России: МИД и подведомственное ему Россотрудничество, Минобрнауки и др. Немалую роль в процессах научной дипломатии играет и Российская академия наук, большим значением в практике научной дипломатии обладают российские высшие учебные заведения. В частности, сегодня стремительно развивается работа по международному сотрудничеству в науке в ведущих университетах страны. Активно продвигают повестку научного сотрудничества с Кубой российские НПО. Например, Российское общество дружбы с Кубой, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Российский совет по международным делам.

Наука на Кубе

Крупные научные прорывы Кубы начались еще в XIX в. Выдающимся примером выступает Карлос Финлей, выдвинувший предположение о передаче желтой лихорадки через укусы комаров. Уроженец острова стал пионером борьбы с желтой лихорадкой и предшественником теории биологических переносчиков болезней, великим новатором медицины. Желая увековечить достижение ученого в противостоянии одной из самых смертоносных болезней в регионе, Панамериканская организация здравоохранения даже объявила его день рождения – 3 декабря – Днем медицины в Латинской Америке [18].

После формальной независимости острова, с 1902 по 1909 г. Финлей занимал пост главного министра здравоохранения Кубы [19]. Несмотря на то, что с момента обретения Кубой независимости (хотя и под протекторатом США) больших научных прорывов не наблюдалось, в своем отчете за 1950 г. даже Международный банк развития и реконструкции из всех сфер особенно выделил медицинскую: «Ее врачи и хирурги одни из лучших в мире» [22].

Однозначным приоритетом наука стала после Кубинской революции 1959 г. В январе 1960 г. во время празднования двадцатой годовщины Спелеологического общества Кубы в зале Академии медицинских, физических и естественных наук Гаваны Фидель Кастро произнес историческую речь, в которой подчеркнул: «Будущее нашей Родины должно быть непременно будущим людей науки, людей мысли» [20]. С тех пор кубинская наука развивалась даже несмотря на введенное Соединенными Штатами эмбарго в отношении острова.

Основными координирующими органами в сфере науки на Кубе выступают Министерство науки, технологий и окружающей среды, а также Кубинская академия наук. Министерство науки, технологий и окружающей среды (Ministerio de Ciencia, Tecnología y Medio Ambiente, CITMA) – государственный орган, который направляет, осуществляет и контролирует политику в области науки и технологий, а также в области окружающей среды и мирного использования ядерной энергии.

Кубинская академия наук (Academia de Ciencias de Cuba) – официальное учреждение кубинского государства, обладающего независимым и консультативным характером в вопросах науки [2]. Академия разделена на секции, которые занимаются исследованиями в области аграрных и рыбохозяйственных наук, точных и естественных наук, социальных и гуманитарных наук, технических наук, а также биотехнологии и медицины. Кроме того, на

Кубе функционируют десятки университетов, а также более сотни научно-исследовательских институтов и центров, на разработки в которых в 2022 г. было выделено 0,36% от ВВП [3; 4; 21].

Особенно стоит выделить сферу биотехнологии, в которой Куба обладает несомненным авторитетом [23]. Среди биотехнологических инноваций страны – первая в мире вакцина против менингита В, лечение диабетических язв стопы, вакцины против гепатита В и лихорадки денге, а также первая в мире вакцина для человека с синтетическим антигеном – вакцина от гемофильной палочки типа b (Hib).

Научно-технологическое сотрудничество России и Кубы

Россия видит в Кубе надежного партнера с уникальной научной традицией, которая справляется даже с самыми беспрецедентными сложностями, например, с торговым эмбарго, введенным против острова. С 1992 г. действует Межправительственная Российско-Кубинская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, обновленное соглашение о которой было заключено в 2016 г. В документе отмечается, что Комиссия «содействует в разработке международных договоров между государствами Сторон в торгово-экономической и научно-технической сферах, долгосрочных программ и крупных проектов двустороннего сотрудничества, а также контролирует их выполнение» [5].

Например, во время рабочего визита на Кубу вице-премьера России Дмитрия Чернышенко в начале апреля 2025 г. в рамках Комиссии было подписано 13 соглашений [6]. Среди прочих, были заключены соглашения о сотрудничестве в сфере здравоохранения, медицинского образования и науки, о создании совместной Лаборатории искусственного интеллекта в технических системах, о сотрудничестве между Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина и Педагогическим университетом Энрике Хосе Вароны.

Между странами реализуются академические обмены, однако число студентов, приезжающих по обмену с Кубы, пока несопоставимо с цифрами по студентам из других стран дальнего зарубежья [7; 8]. Минобрнауки России реализует конкурсы на гранты для совместной работы российских и кубинских ученых, а Российский научный фонд ведет активный диалог с кубинскими партнерами для запуска схожих программ, которые фонд успешно организует со странами ближнего зарубежья.

Страны поддерживают активный диалог по сотрудничеству в биотехнологической сфере, а решительность такого сотрудничества подтверждается крупными

инвестиционными соглашениями [9]. В частности, на полях Петербургского международного экономического форума в 2024 г. российские фармпроизводители, Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и консорциум с участием государственного фармацевтического холдинга Республики Куба договорились о сотрудничестве в сфере разработки и последующего производства портфеля инновационных лекарственных препаратов против онкологических и возрастозависимых заболеваний. При этом объем инвестиций на первоначальном этапе составит до 1 млрд рублей с возможностью последующего увеличения до 10 млрд рублей [10]. Среди прочего, страны рассматривают возможность сотрудничества в области геологии.

На Кубе проходят российские научно-популярные мероприятия, направленные на продвижение науки и технологий в молодежной среде. В ноябре 2024 г. впервые прошел Международный фестиваль NAUKA 0+ – ключевое событие Десятилетия науки и технологий в России. В рамках мероприятия состоялась встреча российских и кубинских ученых на площадке Кубинского центра неврологии CNEURO. Ученые обсудили международное сотрудничество двух стран, обменялись опытом и подняли актуальные проблемы из области биотехнологий и медицины [11]. Эти усилия дополняются активными действиями по продвижению русского языка на острове, ведь помимо уже существующих, открываются новые центры открытого образования на русском языке, на телевидении вводят обучающую передачу с уроками русского [12].

Перспективы

Одним из сравнительно новых актуальных векторов сотрудничества между Россией и Кубой в науке становится космос. В 2022 г. открылась уникальная российско-кубинская обсерватория, что стало значимым событием для развития научного диалога двух стран. Эта обсерватория обеспечивает возможность круглосуточного мониторинга неба и различных космических объектов в нем. Обсерватория в Гаване состоит из двух станций – оптической и геодинимической, созданных Институтом астрономии и Институтом прикладной астрономии РАН совместно с Институтом геофизики и астрономии Кубы [13].

Мнение эксперта

Сачков Михаил Евгеньевич, директор ИНАСАН РАН поделился, что к началу 2000-х гг. сотрудничество с Кубой в сфере космических исследований отсутствовало. Эксперт подчеркнул, что идея профильных министерств двух стран восстановить сотрудничество по астрономии была воспринята с энтузиазмом.

В 2017 г. началась разработка проекта российско-кубинской обсерватории, а к 2022 г. Институту астрономии Российской академии наук и Институту геофизики и астрономии Кубы удалось создать функционирующий робот-телескоп. Ученый отметил, что к 2024 г. построен робот-телескоп Российско-кубинской обсерватории на территории России. С этого времени обсерватория работает как единая сеть телескопов, ведутся астрономические исследования, опубликован целый ряд научных статей.

Сачков подчеркнул, что телескоп большего размера построить в такие сроки не представлялось возможным. Однако теперь был получен «непростой опыт логистики, опыт эксплуатации оборудования», что делает возможным углубление сотрудничества стран: «Сейчас этот опыт у нас имеется и мы готовы к следующим этапам развития нашего сотрудничества».

Ученый положительно охарактеризовал отношения России и Кубы в науке о космосе: «С кубинскими коллегами сложились партнерские дружеские отношения. Работа ведется в атмосфере полного взаимопонимания при поддержке министерств России и Кубы». Главным вызовом для сотрудничества стран в исследованиях становится сложная экономическая ситуация на Кубе. В частности, «перебои в электроснабжении, высокая стоимость доставки материалов и комплектующих».

Обращая взгляд на перспективы совместной работы, ученый отмечает, что в ближайшем будущем при помощи Института астрономии РАН и при поддержке Минобрнауки России на кубинской обсерватории будет установлено оборудование для автономного электропитания на базе солнечных батарей. Кроме того, в обсерватории планируется установка камер для наблюдения за метеорами. Ученый подчеркивает, что это «недорогое, но эффективное оборудование».

Целью ближайших лет директор ИНАСАН РАН считает установку крупного телескопа с диаметром зеркала 1-м: «требуется большая работа по подготовке инфраструктуры на Кубе», однако научные коллективы обеих стран готовы к этой работе и выражают надежду, что будут поддержаны профильными министерствами обеих стран.

Другим перспективным направлением научного сотрудничества стран становится мирный атом. Несмотря на то, что предпосылок для ревитализации кубинской АЭС Хурагуа нет, – ввиду отсутствия средств на полноценный запуск, – на Кубе, представляется, приняли решение о рекультивации объекта и превращении его в национальное хранилище опасных отходов. Поднять вопрос более активного сотрудничества по линии Росатома

представляется разумным, поскольку одной из ключевых проблем, которые сегодня стоят перед Кубой, оказываются систематические перебои в подаче электроэнергии и постоянный недостаток топлива для обеспечения генераторов [14].

Заключение

Россия и Куба обладают сильными связями в области науки, заключаются все новые соглашения, реализуются проекты, что демонстрирует заинтересованность стран друг в друге. Так, в Российской Концепции внешней политики одним из приоритетных направлений выступает регион ЛАКБ. Рекомендуется укреплять сотрудничество по традиционным аспектам – в биотехнологиях, медицине и геологии, а также развивать форматы совместной работы в космических исследованиях. Такое сотрудничество отвечает интересам обеих стран в области национальной безопасности, имеет потенциал укрепления военно-технического сотрудничества.

Кроме того, по причине регулярных перебоев подачи электроэнергии, а также ввиду наличия на Кубе нефункционирующей АЭС, актуальной становится перспектива углубления сотрудничества в сфере мирного атома – в частности, возможность восстановления или строительства на острове новой АЭС. Отметим, что состояние и сохранность уже существующей атомной электростанции требует отдельной оценки.

Вместе с тем сотрудничество стран в сфере геологии имеет нераскрытый потенциал. Крупные российские компании лишь присматриваются к Кубе, однако активных действий пока не предпринимают. Это может обернуться упущенной выгодой для России и заполнением вакуума сотрудничества для Кубы другими странами, которые рассматривают ее как надежного союзника в регионе. Усиление научных контактов между странами безусловно поможет акселерировать принятие решений в руководстве ведущих российских компаний.

Библиографический список:

1. Крынжина М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018 Т. 16 № 4 (55). С. 193-208.
2. Кубинская академия наук [Электронный ресурс] // Международный научный совет. Режим доступа: <https://ru.council.science/member/cuba-academia-de-ciencias-de-cuba/> (дата обращения: 18.09.2025).

3. Егорова О. Наука на Кубе: история и перспективы развития [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/13792> (дата обращения: 18.09.2025).
4. На Кубе несколько десятков университетов и сотни специальностей [Электронный ресурс] // Cubadebate. Режим доступа: <http://ru.cubadebate.cu/сообщения/2019/03/07/на-кубе-несколько-десятков-универси/> (дата обращения: 18.09.2025).
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о Межправительственной Российско-Кубинской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51939/ (дата обращения: 18.09.2025).
6. Россия и Куба подписали 13 соглашений о сотрудничестве [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/23604361> (дата обращения: 18.09.2025).
7. Кубинские студенты медицинских наук в рамках академического обмена в России. [Электронный ресурс] // Российское общество дружбы с Кубой. Режим доступа: <https://roscuba.ru/news/russia/3797-kubinskie-studenty-meditsinskikh-nauk-v-ramkakh-akademicheskogo-obmena-v-rossii> (дата обращения: 18.09.2025).
8. Майер А. В российских вузах обучается почти 356 000 иностранцев, и их становится больше [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/27/1039611-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-pochti-356-000-inostrantsev> (дата обращения: 18.09.2025).
9. Куба и Россия достигают соглашения в сфере биотехнологий [Электронный ресурс] // Российское общество дружбы с Кубой. Режим доступа: <https://roscuba.ru/news/russia/3610-kuba-i-rossiya-dostigayut-soglasheniya-v-sfere-biotekhnologii> (дата обращения: 18.09.2025).
10. РФПИ и государственный фармацевтический холдинг Кубы BioCubaFarma договорились о партнерстве для производства портфеля инновационных лекарственных препаратов в РФ [Электронный ресурс] // BioCubaFarma. Режим доступа:

<https://biocubafarma.ru/rfpi-i-gosudarstvennyj-farmaczevticheskij-holding-kuby-biocubafarma-dogovorilis-o-partnerstve-dlya-proizvodstva-portfelya-innovacionnyh-lekarstvennyh-preparatov-v-rf/> (дата обращения: 18.09.2025).

11. На Кубе состоялся Международный фестиваль НАУКА 0+ [Электронный ресурс] // Международный фестиваль НАУКА 0+. Режим доступа: <https://festivalnauki.ru/news/171325/> (дата обращения: 18.09.2025).

12. Более ста учителей русского языка пройдут обучение на Кубе [Электронный ресурс] // Россотрудничество. Режим доступа: <https://rs.gov.ru/news/boleee-sta-uchitelej-russkogo-yazyka-projdut-obuchenie-na-kube/> (дата обращения: 18.09.2025).

13. В Гаване открылась российско-кубинская обсерватория [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46002/> (дата обращения: 18.09.2025).

14. Блэкаут национального масштаба. Почему вся Куба опять осталась без света. Весь 2024 год население острова страдает от нехватки электроэнергии [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/life/news/675172079a79476d3ab97df6> (дата обращения: 18.09.2025).

15. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 61. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [Электронный ресурс] // Президент России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 18.09.2025).

16. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 18.09.2025).

17. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 18.09.2025).

18. About Carlos J. Finlay [Электронный ресурс] // UNESCO. Режим доступа: <https://www.unesco.org/en/prizes/carlos-j-finlay/about> (дата обращения: 18.09.2025).

19. Carlos Juan Finlay - the Jefferson Libraries [Электронный ресурс] // Thomas Jefferson University. Режим доступа: https://library.jefferson.edu/archives/exhibits/notable_alumni/juan_carlos_finlay.cfm (дата обращения: 18.09.2025).

20. Cuba's Representative Office Abroad [Электронный ресурс] // Cuban Science Day. Режим доступа: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/january-15-1960-cuban-science-day> (дата обращения: 18.09.2025).

21. Research and development expenditure (% of GDP) - Cuba [Электронный ресурс] // World Bank Group. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=CU> (дата обращения: 18.09.2025).

22. Truslow F. Report on Cuba. Findings and Recommendations of an Economic and Technical Mission organized by the International Bank for Reconstruction and Development in collaboration with the Government of Cuba in 1950 [Электронный ресурс] // Chief of Mission. 1951. Режим доступа: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/257248> (дата обращения: 18.09.2025).

23. Yaffe H. The curious case of Cuba's biotech revolution [Электронный ресурс] // Inkster, I. (ed.) History of Technology. Vol. 34: Bloomsbury Academic. 2019. Режим доступа: <https://eprints.gla.ac.uk/181175/7/181175.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).

Gordeev Y.D. Russian Scientific Diplomacy in Cuba: Horizons of Interaction

The main approaches to defining the term «scientific diplomacy» are considered, and the main actors of scientific diplomacy are characterized. The historical background of the main achievements of Cuban science is provided, which confirms the existence of a scientific school in the country that is necessary for equal cooperation with other countries. A recommendation has been formulated to deepen cooperation between Russia and Cuba in the field of peaceful nuclear energy through the Rosatom State Corporation, as well as to stimulate joint scientific work in geology for further industrial partnership.

Keywords: scientific and technical cooperation, humanitarian cooperation, Russian foreign policy, Russia, Cuba, scientific diplomacy.

УДК 327.5

М.Н. Кожеева

Прогноз Хантингтона о столкновении цивилизаций: сбылся ли он?

Аннотация:

Рассматривается концепция «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона и ее применимость к анализу современных международных конфликтов. Анализируются такие примеры, как противостояние США и Китая, конфликт между Россией и Западом вокруг Украины, а также отношения между западной и исламской цивилизациями. Отдельное внимание уделено критике концепции и ее ограничениям. Рассмотрены альтернативные подходы к объяснению международной напряженности в постбиполярную эпоху. Делается вывод о частичном подтверждении хантингтоновской концепции, при этом подчеркивается необходимость ее переосмысления с учетом современных глобальных процессов.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, международные отношения, культурные различия, Хантингтон, глобализация.

Об авторе: Кожеева Мария Николаевна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: mashulya_kozhaeva@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

Концепция столкновения цивилизаций, предложенная Самюэлем Хантингтоном в 1990-х гг., стала одной из наиболее обсуждаемых концепций в сфере международных отношений постбиполярного мира, наступившего после окончания холодной войны и распада Советского Союза в 1991 г. Представленная в 1993 г. в формате статьи для журнала «Foreign Affairs», а затем развитая в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование

мирового порядка» в 1996 г., она предсказывала, что после окончания холодной войны основным источником международных конфликтов станут не идеологические или экономические противоречия, а фундаментальные культурные и религиозные различия между цивилизациями [6; 5]. Спустя почти три десятилетия после публикации работы представляется актуальным проанализировать, насколько точными оказались предсказания Хантингтона, и действительно ли цивилизационные различия стали определяющей причиной современных геополитических противоречий.

Основные положения концепции Хантингтона

Согласно концепции Хантингтона, мир после окончания холодной войны должен был структурироваться вокруг нескольких крупных цивилизационных блоков: западного, православного, исламского, конфуцианского, индуистского и др. [5]. В прошлом мир был разделен на два основных политико-экономических лагеря: капиталистический блок во главе с США и социалистический блок, возглавляемый СССР. Главные конфликты между двумя лагерями носили идеологический характер. Запад защищал ценности буржуазной демократии, тогда как СССР – идеи коммунизма. Ключевое положение концепции заключается в том, что доминирующим фактором мировой политики в конце XX–начале XXI в. выступает рост конкуренции и конфликтности между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям.

Хантингтон выдвинул ряд значимых тезисов, объясняющих неизбежность межкультурных противоречий. Во-первых, исторические, языковые, культурные, религиозные различия между цивилизациями весьма существенны и приводят к ценностному конфликту. Культурные противоречия минимально подвержены изменениям, их сложно разрешить и свести к компромиссу.

Действительно, политические разногласия можно урегулировать путем переговоров и договоренностей, экономические споры – через финансовые механизмы. Но как найти общий язык, когда само представление о нормальном и допустимом у сторон диаметрально противоположно? Сложность межкультурного диалога заключается в том, что ценностные ориентиры сторон могут кардинально различаться: то, что в одной культуре считается нормой, в другой может восприниматься как нарушение священных установлений [5].

Во-вторых, интенсификация общения между народами способствует осознанию собственной уникальности и ведет к росту цивилизационного самосознания, углублению

понимания межкультурных различий и рискам обострения разногласий [5]. Сталкиваясь с носителями других культур, ценностей, норм, люди яснее понимают, что представляют собой они сами. Например, когда европейцы и жители мусульманских стран сталкиваются в повседневной жизни через туризм, трудовую миграцию или соцсети, они не только узнают о существовании иных традиций и норм, но и невольно начинают более ревностно относиться к собственным.

В-третьих, процессы глобализации и экономической модернизации размывают традиционную идентификацию с государством – людям все сложнее ощущать свою идентичность только через государство, – например, просто как «гражданин России» или «американец». В результате идет поиск более глубокой основы для самоопределения – и все чаще ее находят в религии или в этнической культуре. Человек может сказать: «я мусульманин», «я славянин» и т.п. Все это происходит потому, что религия и национальная культура дают более устойчивое чувство принадлежности [5].

В-четвертых, укрепление глобальных позиций Запада по итогам холодной войны вызывает опасения остального мира, что приводит к формированию противостояния по линии «Запад и остальной мир» [5].

Особое внимание в концепции уделяется понятию «линий разлома» – границ между цивилизациями, вдоль которых, по его мнению, будут происходить наиболее ожесточенные конфликты. В качестве потенциальных точек столкновения он выделял противостояние Запада и исламского мира, США и Китая, а также России и Запада [5].

Подтверждение прогнозов Хантингтона в современном мире

Противостояние США и Китая

Одно из наиболее очевидных подтверждений прогнозов Хантингтона – нарастающее геополитическое и экономическое противостояние между США и Китаем. Эта конфронтация, приобретающая в последние годы все более явный характер, охватывает политическую, экономическую и технологическую сферы. США олицетворяют западную либеральную демократию, в то время как Китай опирается на конфуцианскую и коммунистическую традиции, подчеркивающие коллективизм и сильную государственность – «социализм с китайской спецификой».

Современный Китай – вторая по объему ВВП экономика в мире – сохраняет зависимость от США, одновременно конкурируя с ними [3]. Сегодня их противостояние проявляется в масштабной технологической конфронтации – от ограничений на экспорт

микрочипов до санкций против китайских компаний, таких как Huawei. Не менее остро стоит вопрос Тайваня: Пекин считает остров частью своей территории, тогда как США и их союзники поддерживают Тайвань как демократический форпост в Азии (вместе с тем формально США не поддерживают независимость Тайваня, придерживаясь политики «Одного Китая»).

Все чаще звучит и открытая идеологическая критика: Вашингтон обвиняет Китай в авторитаризме и нарушениях прав человека, а Пекин в ответ осуждает США за вмешательство во внутренние дела и попытки навязать чуждые ценности. Таким образом, в этом противостоянии все более явно проявляется не просто борьба за ресурсы или политическое влияние, а столкновение двух различных цивилизационных моделей – именно такую логику развития международных конфликтов и предсказывал Хантингтон.

Российско-западное противостояние и конфликт вокруг Украины

Конфликт вокруг Украины также может рассматриваться через призму столкновения цивилизаций – в этом случае, западной и православной. Этот конфликт выходит далеко за рамки геополитического соперничества, приобретая характер ценностного и культурного противостояния.

Западные страны, оказывая Украине масштабную военную, экономическую и политическую поддержку, позиционируют свою помощь как защиту «демократических принципов и европейского миропорядка». В то же время Россия, помимо защиты национальных интересов, обосновывает свои действия необходимостью отстаивания традиционных ценностей и православной идентичности, представляя конфликт как сопротивление экспансии западного влияния. Подобный нарратив вполне соответствует хантингтоновской концепции, где цивилизации отстаивают свои фундаментальные культурные установки.

Важным аспектом этого противостояния стало расширение НАТО на восток, которое Россия воспринимает как прямую угрозу своей цивилизационной идентичности. Если Запад объясняет это как естественный процесс обеспечения безопасности союзников, то для Москвы такое расширение – очевидный факт агрессии и попытка разрушения традиционной сферы влияния православного мира. Религиозный фактор дополнительно усиливает противостояние, что проявляется, в частности, в попытках запрета канонической Украинской православной церкви на территории Украины.

Особую роль играет идеологическая составляющая конфликта. Российская риторика о «защите русского мира» противопоставляется западным лозунгам о «сопротивлении авторитаризму». Таким образом, украинский кризис представляет собой классический пример столкновения цивилизаций, где политические и военные действия выступают лишь наиболее явным отражением более глубоких культурно-исторических разломов. Как предупреждал Хантингтон, именно такие цивилизационные границы становятся линиями наиболее острых международных конфликтов в XXI в.

Запад и исламский мир

Отношения между западной цивилизацией и исламским миром остаются напряженными, что лишний раз подтверждает прогнозы Хантингтона. Рост радикальных движений, террористических атак, военных интервенций, осуществляемых западными странами на Ближнем Востоке, как и общая нестабильность региона, подпитывают это противостояние.

Исламская цивилизация, хотя и не имеет единого центра и характеризуется высокой степенью внутренней неоднородности, зачастую выступает против доминирования западных ценностей, что проявляется в антагонизме по отношению к США и европейским странам. Культурные и религиозные различия играют здесь не менее важную роль, чем политические и экономические интересы [5].

Критика и ограниченность концепции Хантингтона

Несмотря на очевидные подтверждения прогнозов Хантингтона, существует множество аргументов, ставящих под сомнение универсальность его концепции. Критики указывают на ряд существенных ограничений концепции столкновения цивилизаций.

Одним из ее ключевых недостатков выступает неспособность адекватно объяснить природу международных конфликтов в постхолодную эпоху. Хантингтон утверждал, что будущие противостояния будут происходить между крупными цивилизациями, однако реальность оказалась сложнее. Например, войны в Ираке, Афганистане, Боснии и Сирии не укладываются в его схему. В этих конфликтах западные страны нередко поддерживали мусульманские группы против других мусульманских режимов, а противоречия чаще были связаны с политическими и экономическими интересами, а не с цивилизационной идентичностью. Это ставит под сомнение основной тезис Хантингтона о том, что культурные различия неизбежно ведут к масштабным столкновениям.

Другая проблема концепции – ее упрощенный подход к анализу конфликтов. Хантингтон рассматривает цивилизации как монолитные блоки, игнорируя внутренние противоречия внутри них. Однако многие современные войны, такие как противостояние суннитов и шиитов на Ближнем Востоке или напряженность между странами ЕС, демонстрируют, что общность культуры не предотвращает конфликты.

Критики отмечают, что Хантингтон игнорирует тенденции глобализации, которые ведут не к разделению, а к сближению цивилизаций. В современном мире усиливается взаимозависимость стран, растет культурный обмен, формируются международные институты, способствующие сотрудничеству. Организации, такие как БРИКС или АСЕАН, объединяют государства из разных цивилизационных ареалов, что опровергает идею неизбежной конфронтации [2]. Хантингтон не учел стремление человечества к общим ценностям, таким как мир и развитие. Вместе с тем справедливо заметить, что процессы глобализации сегодня сопровождаются и тенденциями локализации, что позволяет говорить о феномене глокализации в сфере международных отношений.

Особое внимание вызывает трактовка Хантингтоном роли Китая. Он предсказывал, что рост могущества Китая неизбежно приведет к конфликту с Западом, поскольку сильные державы, по его мнению, всегда стремятся к гегемонии. Однако этот вывод основан на западной логике экспансии, которая не соответствует историческому опыту Азии. Китай традиционно декларирует приверженность модели гармоничного сосуществования, что контрастирует с западной моделью силового сдерживания. Более того, экономическое развитие Китая способствует стабильности в регионе, а не провоцирует войны. Таким образом, концепция Хантингтона не только искажает мотивы китайской политики, но и отражает западное мировоззрение, для которого конфронтация кажется единственной формой международных отношений.

Представляется, что главный недостаток концепции Хантингтона – ее конфронтационная сущность. Вместо поиска путей к диалогу она предлагает делить мир на враждующие лагеря, что лишь усугубляет напряженность. Как отмечают критики, сегодня концепция стала инструментом оправдания политики сдерживания, направленной против развивающихся стран.

Альтернативные подходы к анализу международных конфликтов

В современной политической науке существует ряд альтернативных концепций, объясняющих природу международных конфликтов постбиполярного мира. Ф. Фукуяма в

своей концепции «конца истории» предполагал, что либеральная демократия станет универсальной формой правления, однако реальность показала обратное – авторитарные режимы сохраняют свою устойчивость, а демократические ценности не стали общепринятыми, с чем позднее согласился и сам Фукуяма [4].

3. Бжезинский считал, что международные конфликты определяются не столько культурными различиями, сколько борьбой за власть и ресурсы. Этот подход подтверждается многими примерами, где экономические интересы и геополитические расчеты играют ключевую роль в формировании международной политики государств [1].

Интересной альтернативой выступает китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества», предлагающая модель мирного сосуществования цивилизаций на основе взаимного уважения и сотрудничества. Эта концепция противопоставляет себя конфликтной логике Хантингтона, делая акцент на возможностях межкультурного диалога и совместного решения глобальных проблем.

Заключение

Анализ современных международных процессов показывает, что концепция Хантингтона о столкновении цивилизаций частично подтверждается: многие конфликты действительно объясняются цивилизационными противоречиями, а противостояние культурных и религиозных ценностей играет значительную роль в глобальной политике. Особенно явно это проявляется в отношениях между США и Китаем, Россией и Западом, а также в противоречиях между западным и исламским мирами.

Однако концепция Хантингтона не учитывает всей сложности международных отношений XXI в. Внутрицивилизационные конфликты, экономические и политические противоречия, возможности межкультурного сотрудничества, а также новые глобальные вызовы, требующие совместных усилий всего человечества, существенно корректируют прогнозы американского политолога.

Будущее международных отношений будет зависеть от того, смогут ли мировые лидеры найти баланс между сохранением цивилизационной идентичности и необходимостью международного сотрудничества, или же мир продолжит движение к новым формам глобального противостояния. Важно отметить, что понимание роли цивилизационного фактора в современных конфликтах не должно приводить к фатализму – осознание культурных различий может стать основой для выстраивания более

гармоничного мирового порядка, основанного на взаимоуважении и признании права каждой цивилизации на самобытное развитие.

Концепция Хантингтона, таким образом, остается важным инструментом анализа международных отношений, но требует существенного дополнения и критического переосмысления в контексте современных реалий. Именно такой сбалансированный подход позволит более точно прогнозировать развитие международных процессов и вырабатывать стратегии по предотвращению конфликтов в глокализирующемся мире.

Библиографический список:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. 448 с.
2. Резник Ю.М. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. С. 10-22.
3. Савенков Р.В. Современное столкновение цивилизаций: сбылись ли прогнозы С. Хантингтона? // Журнал политических исследований. 2024. № 2. С. 79-90.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 576 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
6. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. Summer 1993. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations> (дата обращения: 05.10.2025).

Kozhaeva M.N. Has Huntington's Clash of Civilizations Forecast Come True?

The article discusses Samuel Huntington's «theory of the clash of civilizations» and its applicability to the analysis of contemporary international conflicts. Special attention is given to the criticism of the theory and its limitations. Alternative approaches to explaining international tensions in the post-bipolar era are also considered. The paper concludes that Huntington's concept is partially confirmed, while emphasizing the need for its rethinking in the context of current global processes.

Keywords: clash of civilizations, international relations, cultural differences, Huntington, globalization.

УДК 316

А.И. Незнанов

За кулисами президентских выборов в США: роль методов цифрового контроля

Аннотация:

Рассмотрены методы цифрового контроля, применявшиеся во время избирательной кампании в США 2020 г. Проанализированы блокировка и ограничение контента в социальных сетях, алгоритмическое подавление нарративов, использование электронных систем голосования, а также координация цифровых платформ с властными структурами. Отмечена поляризация американского общества и ответная реакция на цензуру в виде создания альтернативных платформ. Сделан вывод о превращении цифровых корпораций в «арбитров истины» и их значительном влиянии на политические процессы.

Ключевые слова: цифровой контроль, президентские выборы США 2020, социальные сети, цензура, электронное голосование, алгоритмы модерации, политическая поляризация.

Об авторе: Незнанов Андрей Игоревич, МГУ им. М. В. Ломоносова, магистрант кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: neznanovandrey@gmail.com

Научный руководитель: Репина Екатерина Анатольевна, НИУ «ВШЭ», кандидат филологических наук, доцент; эл. почта: repina69@mail.ru

Введение. Президентские выборы в США 2020 г. стали событием не только политического, но и технологического характера, что проявилось в существенном присутствии цифрового фактора в рассматриваемой избирательной кампании. Рост влияния социальных сетей, алгоритмов модерации контента и электронных систем голосования поставил новые вопросы о транспарентности электорального процесса и внешнем воздействии на разных этапах избирательной кампании. В условиях поляризованного

общества цифровой контроль превратился в инструмент управления общественным мнением.

Изучение кейса американской избирательной кампании 2020 г. важно, поскольку она ознаменовала новый этап цифровой эры, когда цифровые платформы могут оказывать непосредственное воздействие на электоральный процесс. Это, безусловно, не первая избирательная кампания, где информационные технологии играли определенную роль, однако это совершенно точно первая избирательная кампания, где цифровой контроль сыграл одну из решающих ролей в определении результатов выборов и формировании власти.

Актуальность исследования обусловлена тем, что после выборов США 2020 г. цифровой контроль стал неотъемлемой частью всех крупных электоральных процессов, а с дальнейшим развитием цифровых технологий его влияние будет только усиливаться. Кроме того, именно избирательная кампания 2020 г. впервые вызвала широкую общественную дискуссию относительно приемлемости использования методов цифрового контроля в электоральном процессе, продолжающуюся по сей день и ставшую важной частью современного политического дискурса.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе: используются методы и теории из политологии, медиаисследований, права. Такой синтез позволяет всесторонне проанализировать феномен цифрового контроля в контексте выборов, учитывая его технологические, политические и социальные аспекты. Теоретическая база исследования опирается на концепцию «платформенного капитализма» (Н. Срничек), теорию «гибридного режима» (С. Левицки, Л.Вэй), концепцию «информационных пузырей» (К. Санстейн).

Обсуждение. Основным субъектом цифрового контроля и санкций со стороны ключевых социальных сетей в контексте президентских выборов 2020 г. стал кандидат в президенты США от Республиканской партии и на тот момент 45-ый президент США Д. Трамп. Это обусловлено тем, что к моменту избирательной кампании цифровое пространство США оказалось почти под полным контролем Демократической партии, поэтому кандидат от нее – Дж. Байден – и представители его команды практически не сталкивались с цифровым контролем. Сам Д. Трамп прибегал к методам цифрового контроля в ходе президентской кампании 2016 г., однако к 2020 г. практически утратил возможность использования цифровых инструментов, что отрицательно сказалось на его

избирательной кампании в 2020 г. [2]. Рассмотрим, какие именно цифровые методы были использованы против Д. Трампа на выборах 2020 г. и как это повлияло на итоговую победу Дж. Байдена.

Блокировка и ограничение контента. Применение этого метода прослеживается в трех плоскостях. Во-первых, посты Д. Трампа и его сторонников в социальных сетях, связанные с выборами 2020 г., в массовом порядке маркировались как «вводящие в заблуждение». Наиболее яркий пример связан с подобной маркировкой постов, в которых утверждалось о масштабных фальсификациях на избирательных участках в Джорджии и Пенсильвании (в частности о включении в избирательные бюллетени «мертвых душ») [4]. Подобные действия ведущих социальных сетей практически нивелировали попытки Д. Трампа и его команды указать на массовые нарушения, имевшие место в ходе выборов. Цифровые корпорации применили стратегию так называемой «мягкой цензуры»: упомянутые посты не подвергались блокировке, однако их правдивость и репутация Республиканской партии ставились под сомнение.

Во-вторых, после событий на Капитолийском холме 6 января 2021 г. цифровой контроль перешел в стадию «жесткой цензуры»: аккаунты Д. Трампа были перманентно заблокированы во всех ведущих социальных сетях, несмотря на то, что лингвистическая экспертиза не выявила в его текстах прямого призыва к насильственным действиям или штурму. Американский президент на некоторое время лишился возможности какой-либо коммуникации как со своими сторонниками, так и со внешним миром. В большинстве социальных сетей разблокировки Трампа так и не произошло.

Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев охарактеризовал действия цифровых корпораций против Д. Трампа как явный акт «цифрового тоталитаризма», что достаточно точно отражает сложившуюся ситуацию. Единственный ответ, который смогла подготовить команда Д. Трампа, выразился в создании собственной альтернативной социальной сети – Truth Social. Однако в контексте президентских выборов 2020 г. эта мера уже не возымела эффекта ввиду ее несвоевременности [7].

Описанные выше действия социальных сетей укладываются также в концепцию «платформенного капитализма» Н. Срничека, которая используется для анализа социальных сетей как корпоративных структур, монополизирующих цифровое пространство и устанавливающих рамки допустимого политического дискурса [6]. Именно

это и было в полной мере реализовано в ходе избирательной кампании 2020 г., что повлияло не только на дискурс, но и на конкретные события в рамках политического процесса в США.

Алгоритмическое подавление нарративов. Для того, чтобы препятствовать продвижению некоторых нарративов команды Д. Трампа, цифровые корпорации прибегали к алгоритмическим механизмам ИИ. Эти механизмы срабатывали автоматически по отношению к спорным или опасным для кандидата от Демократической партии нарративам. Так, при переходе по ссылке на статью издания «The New York Post» про ноутбук Х. Байдена высвечивается предупреждение о потенциально фейковом характере статьи. Для сравнения следует отметить, что статьи и посты про Д. Трампа, содержащие спорную или фейковую информацию (например, про вмешательство России в выборы президента США 2016 г.) не подвергались подобных санкциям, что в числе прочего создавало благодатную почву для попыток импичмента в отношении Д. Трампа и не позволяло значительно ослабить предвыборные позиции Дж. Байдена [1].

Электронное голосование. Особенно широко электронные системы голосования (в основном Dominion Voting Systems) применялись для подсчета голосов в ключевых «колеблющихся» штатах (Аризона, Джорджия, Мичиган). Со стороны команды Д. Трампа электронный подсчет голосов подвергался резкой критике. В частности, выдвигались обвинения в том, что с помощью электронной системы Dominion Voting Systems на некоторых избирательных участках в Мичигане имел место «перевод» голосов с Д. Трампа на Дж. Байдена. Республиканцы критиковали систему за непрозрачность голосования по почте, особенно автоматическую верификацию присланных по почте голосов [1].

Без соответствующих действий со стороны правительственных структур цифровым платформам было бы довольно проблематично реализовать описанные выше методы. Влияние правительства на процессы цифровой дискредитации Д. Трампа и республиканцев, несмотря на наличие у них контроля над Белым Домом, стало возможным благодаря наличию у демократов большинства в Конгрессе, а также доминированию Демократической партии в вопросе контроля над силовыми и разведывательными ведомствами.

Основной способ координации цифровых корпораций с властными структурами относительно исследуемого вопроса заключался в давлении с требованием усиления контроля, которое властные структуры оказывали на корпорации. Это давление

осуществлялось в первую очередь по линии Конгресса, профильных агентств (DHS, CISA) и спецслужб (ФБР). Так, в 2024 г. М. Цукерберг признался, что Facebook¹ цензурировал контент, связанный с предвыборной гонкой 2020 г., во многом под влиянием предупреждения со стороны ФБР [1]. Этим же объясняется и то, что цифровое давление в ходе предвыборной гонки работало в основном только против Д. Трампа и его сторонников.

С. Левицки и Л. Вэй описывают подобное взаимодействие государства и Big Tech как «гибридный режим», подразумевающий слияние функций государства и цифровых платформ и создающий основу для «цифрового авторитаризма», который превращает демократию в исключительно формальное явление [8].

Реализация упомянутых методов цифрового контроля в ходе предвыборной кампании 2020 г. вызвала серьезную дискуссию в американском обществе, разделив его на два противоборствующих лагеря. Представители первого лагеря (в основном трампистское крыло Республиканской партии и профессиональные юристы) указывали, что цензура, даже замаскированная под борьбу с дезинформацией, – это грубое нарушение Первой поправки к Конституции США. Кроме того, первый лагерь был небезосновательно озабочен тем, что модерация контента была весьма избирательной, что создавало дополнительные преимущества для демократов и ослабляло позиции республиканцев.

Представители второго лагеря (практически все сочувствующие Демократической партии и сами цифровые платформы) отмечали, что цензура необходима для того, чтобы не допускать насилия и манипуляций. Еще один аргумент состоял в том, что цифровые компании – частные, а потому имеют полное право устанавливать такие правила модерации контента, какие сочтут целесообразными. Позицию второго лагеря поддержали некоторые бывшие представители команды Трампа (например, вице-президент США М. Пенс), что дополнительно укрепляло позицию лагеря в публичном дискурсе [3].

Отмечался и рост альтернативных платформ, таких как Parler, Gab и уже упомянутый Truth Social, обещавшие свободный подход к модерации контента и притягивавшие пользователей, недовольных действиями традиционных социальных сетей. Это явление подчеркивает, как социальные сети могут влиять на политическую поляризацию, создавая то, что К. Санстейн описывает как «информационные пузырьки», где пользователи

¹ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

получают информацию, соответствующую их взглядам, что усугубляет социальную поляризацию [5].

Выводы. Методы цифрового контроля в ходе избирательной кампании в США 2020 г. были весьма разнообразными. Их мониторинг позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в современном политическом мире ведущие цифровые корпорации превращаются в своего рода «арбитров истины». Именно они определяют приемлемость той или иной политической риторики, поощряя тех, кто использует «приемлемую» риторику и накладывая санкции на тех, чья риторика признается «дезинформацией».

Во-вторых, вмешательство цифровых платформ и технологий (таких как системы электронного голосования) оказывает существенное влияние на основные политические процессы. Рассмотренный в статье кейс показывает, насколько цифровой аспект способен воздействовать как на ход, так и на результат крупного электорального процесса.

В-третьих, проведенный анализ свидетельствует о весьма ангажированном подходе цифровых платформ, что делает их полноценным субъектом политического процесса со своими взглядами и интересами. Однако цифровые платформы еще не обладают всем необходимым инструментарием для того, чтобы быть полностью независимыми игроками в политике, поэтому реализация их политической роли возможна только во взаимодействии с соответствующими государственными структурами, что непосредственно отражает концепцию «гибридного режима».

Библиографический список:

1. Авзалова Э.И. Интернет-коммуникации в избирательной кампании США // Известия ИГУ Серия: Политология. Религиоведение. 2024. № 4 (22). С. 186-190.
2. Керимов А.А. Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий: особенности формирования / А.А. Керимов, Д.А. Попцов // Известия Саратовского университета (серия: Социология. Политология). 2020. Т. 20., № 3. С. 366-370.
3. Меркель заступилась за Трампа из-за блокировок в соцсетях [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/11/01/2021/5ffc3dc9a79470720ac16ad> (дата обращения: 07.04.2025).
4. Роговский Е.А. Выборы в США: триумф цифровой демократии? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 4(568). С. 5-19.

5. Санстейн К. #Republic: разделенная демократия в эпоху социальных сетей / пер. с англ. А. Гуськова. М.: Альпина Паблишер, 2020. 370 с.
6. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. В. Софронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 136 с.
7. Twitter¹ заблокировал аккаунт Трампа [Электронный ресурс] // Интерфакс. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/744237> (дата обращения: 05.04.2025).
8. Levitsky S. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War / S. Levitsky, L. Way. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 517 p.

Neznanov A.I. Behind the scenes of the US Presidential Election: the role of digital control methods

The article examines the methods of digital control used during the 2020 US election campaign. The following aspects are examined: blocking and restricting content on social networks, algorithmic suppression of narratives, the use of electronic voting systems, and the coordination of digital platforms with government structures. Particular emphasis is placed on how social networks influenced the election results. The polarization of American society and the response to censorship in the form of creating alternative platforms are noted. A conclusion is made about the transformation of digital corporations into «arbiters of truth» and their significant influence on political processes.

Keywords: digital control, US presidential election 2020, social networks, censorship, electronic voting, moderation algorithms, political polarization.

¹ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

УДК 101.1:316

М.С. Бодрина

**Философия войны в оптике русской мысли рубежа XIX-XX веков:
духовные и метафизические аспекты (Часть 1)**

Аннотация:

Первая часть статьи посвящена исследованию того, как русские мыслители рубежа XIX-XX вв. понимали феномен войны. В центре внимания – труды Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева и И.А. Ильина. Война воспринималась ими не только как политическое событие, но как глубокое духовное испытание и сложный культурный феномен, как многомерная реальность, связанная с вопросами морали, метафизики и судьбы человечества. Их взгляды, сформированные уникальной историей и культурной самобытностью России, отличались от подходов, характерных для западной традиции с ее акцентами на военную стратегию и право. Сделан вывод об актуальности идей русских философов о войне, поскольку они помогают осмыслить ее значение и последствия.

Ключевые слова: философия войны, русская философия, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, П.А. Флоренский, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Н.С. Гумилев, И.А. Ильин.

Об авторе: Маргарита Сергеевна Бодрина, МГУ имени М.В. Ломоносова, магистрант кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: bodrina1010@mail.ru

Научный руководитель: Надежда Гегамовна Багдасарьян, МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

В условиях глобальной нестабильности, затяжного характера существующих конфликтов, возникновения новых военных очагов и перестройки международной системы в сторону многополярности, все более актуальным становится обращение к философским традициям, критически осмысляющим природу и этическое измерение войны. Русская интеллектуальная мысль рубежа XIX-XX вв., рассматривая войну не только как геополитическое или военное противостояние, но и как глубокое духовное и культурное явление, предлагает уникальную исследовательскую перспективу. Это интеллектуальное наследие сохраняет высокую значимость, позволяя по-новому осмыслить экзистенциальные и моральные сложности, по-прежнему определяющие современные вооруженные конфликты.

Методология и методы исследования:

В исследовании представлен критический анализ ключевых философских и богословских текстов российских мыслителей, посвященных тематике войны. Применяется междисциплинарный подход, соединяющий религиозно-философские и нормативно-ценностные рамки с герменевтической интерпретацией. Такой метод позволяет не только выявить аргументацию авторов, но и раскрыть глубинные смыслы, скрытые в их текстах. Историческая перспектива открывает возможность проследить эволюцию понимания войны, тогда как сравнительный анализ позволяет сопоставить различные традиции – от западной стратегической мысли до русской религиозно-философской рефлексии.

Истоки русской философии войны

На стыке философского, исторического и духовного осмысления война предстает не просто как социальное явление, но как метафизическая и нравственная проблема. Уже у Гераклита, заявившего: «Война – отец всего, царь всего», и Платона философы на протяжении веков пытались постичь суть войны и ее внутренние противоречия [19]. К началу XIX в. эти поиски оформились в особое направление – философию войны, которая к XX в. превратилась в широкую междисциплинарную область знания. Война стала объектом анализа во множестве дисциплин, каждая из которых стремилась осмыслить ее в рамках собственной парадигмы. Однако, несмотря на это концептуальное многообразие, философское измерение войны никогда не теряло своей значимости.

Каждое интеллектуальное направление сосредотачивало внимание на определенных аспектах. В западной традиции война часто рассматривалась через призму военной

стратегии и правовой теории – от Карла фон Клаузевица, определившего ее как «продолжение политики другими средствами» до Антуана-Анри Жомини, акцентировавшего внимание на систематизации и логистике [20]. Война в этом измерении становилась систематизированным инструментом, поддающимся анализу и, следовательно, потенциально контролируемым.

Историческая судьба России, складывавшаяся в условиях постоянной экзистенциальной угрозы – от монгольского нашествия до наполеоновского вторжения, – способствовала формированию представления о войне как о духовной и оборонительной миссии [31]. К концу XIX – началу XX в. в русской интеллектуальной традиции складывается оригинальный подход: целая плеяда философов, богословов, писателей и даже революционеров осмысливает войну преимущественно как явление духовного порядка, как метафизическую и нравственную проблему.

Анархический христианский пацифизм Л.Н. Толстого

В этом контексте невозможно не отметить особую роль Льва Толстого. Родившись в русском дворянстве, с детства он усваивал культурные установки мужества и военной славы как наследственный инстинкт. Позже Толстой вспоминал: «Мне в детстве внушено было всю энергию мою направить на молодечество охоты и войны...» [26]. Эта внутренняя установка привела его на поле боя. Однако именно Крымская война, особенно ад Севастополя, стала для Толстого алтарем, на котором были принесены в жертву все его романтизированные представления о войне. Его «Севастопольские рассказы» – не репортаж, а исповедь. Ужас войны здесь не абстрактен – у него есть голос, лицо, имя, оторванная конечность. Женщина, приносящая еду мужу на бастион, теряет ногу от разрыва снаряда: «— Что ж, отрезали? — Выше колена отрезали» [24].

Среди этого описанного кошмара Толстой еще не отвергает войну. Когда Севастополь падет, он воскликнет: «Французское на Малаховом!» – не как беспристрастный стратег, а как человек, не оторвавшийся от идеи Родины [24]. В этот период страдание солдата еще сосуществует с остатками патриотической гордости. Однако со временем образ воинской доблести теряет прежнюю силу, и первоначальное разочарование в военном руководстве перерастает в более глубокое, метафизическое сомнение. По мысли Толстого, корень проблемы заключается не столько в тактических просчетах, сколько в самой природе войны, в ее цели и духовной цене, которую приходится за нее платить.

То, что начиналось как юношеское увлечение («постоянная прелесть опасности»), обернулось для Толстого серьезным нравственным кризисом: «Сатана не может быть изгнан сатаною, неправда не может быть очищена неправдою, и зло не может быть побеждено злом [25]. Истинное непротивление есть единственное настоящее сопротивление злу. Оно сокрушает голову змия. Оно убивает и вконец истребляет злое чувство» [27].

Из этих предпосылок и возник его радикальный пацифизм, глубоко укорененный в учении Нагорной проповеди [4]. Для Толстого Евангелие не было утешением, а представляло собой нравственный императив, выраженный в заповеди «Не противься злему» [32]. Государство, армия и закон стали восприниматься им как несовместимые с душой, стремящейся к Христу и следованию христианским заповедям. Он никогда не называл себя пацифистом – в русском языке еще не существовало такого слова, однако его тексты стали сродни священному писанию для будущих апостолов ненасилия.

В Японии, в Индии, в Европе его слова сеяли сомнение в праведности убийства. По словам Ганди, «Книга Толстого «Царство Божие внутри вас» потрясла [его]» [11]. Он включал Толстого в число «трех современных мыслителей, которые оказали наибольшее влияние на [его] жизнь» [11]. А в 1904 г., в разгар Русско-японской войны, Толстой пророчески отмечал: «Сознание зла, ненужности, нелепости войны... все более проникает в общественное сознание...» [12]. Он не отрицал существование зла, однако отказывался становиться его орудием. По его убеждению, действовать как дьявол, даже во имя справедливости, означает рисковать превратиться в то, с чем борешься.

Однако предельный пацифизм перед лицом агрессии несет в себе опасность: зло может применить насилие к пассивному, не встретив сопротивления. В такой позиции зло остается безнаказанным, уязвимые – беззащитными, а несправедливость – возможно, легитимированной. Это ведет к своеобразной форме христианского анархизма, глубоко скептического по отношению к коллективным действиям и организованному сопротивлению. Такой подход отражает сложное этическое напряжение между неприятием насилия и необходимостью защиты, которое Толстой осмысливал в контексте своей философии.

Философия Всеединства В.С. Соловьева

Подобное абсолютное неприятие насилия контрастирует с более нюансированной позицией Владимира Соловьева, который, разделяя трагическое мироощущение Толстого,

занимал менее радикальную, отказническую позицию. Он стремился к примирению христианской морали с требованиями политической деятельности и даже с необходимостью вооруженного сопротивления злу. В таких произведениях, как «Три разговора о войне» и «Смысл войны», Соловьев идет по тонкой грани: осуждая войну как зло, он признает ее трагическую неизбежность в пределах исторического бытия. Война, по его словам, – это хроническая болезнь человечества, проистекающая не из стратегии или случайности, а из глубокого нравственного искажения в самом сердце общества. Он настаивает: «Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное – не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях» [33].

Соловьев, называя войну отклонением от нормы, все же признает за ней относительную легитимность – в тех случаях, когда она становится единственным средством противостояния еще большему злу. Тогда война мыслится им не как благо, но как тяжелое, болезненное средство служения добру: «Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина... эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности» [28; 33].

В этом пассаже Соловьев перекликается с Августином, говорившим о *bellum iustum*, – справедливой войне, – не как о благе, но как о тяжком долге, налагаемом законом или Богом: «Итак, за исключением тех, кому повелевает убивать или правосудный закон, или непосредственно сам Бог, источник правосудия, всякий, кто убивает себя ли самого, или кого иного, становится повинным в человекоубийстве» [1].

В отличие от таких мыслителей, как Антуан-Анри Жомини, стремившихся свести войну к системе правил – науке, окутанной мраком – Соловьев отвергает подобные упрощения. Для него война – не задача, которую можно рационально решить, а духовное столкновение, выражение цивилизационного напряжения, особенно между Востоком и Западом. Парадоксальным образом, именно в этом конфликте он усматривает путь к возможному единству. Война, сколь бы жестокой она ни была, нередко становится условием для появления порядка, правовых начал и нравственной меры из хаоса: «Война сама порождает договоры и права как ручательства мира» [33].

В этом взгляде можно уловить диалектику Гегеля, для которого война – трагическое средство, посредством которого дух обретает новое самосознание: «Каждый, ... необходимым образом должен утвердить себя в отношении другого; а для этого "он должен

атаковать другого". Такая атака равносильна познанию и, более того, является единственным действительным способом познания. Человек познает другого, "лишь стремясь довести его до смерти (bis auf den Tod treibt); а равно, каждый может доказать самому себе, что он есть тотальность, только стремясь к своей собственной смерти» [21].

Соловьев не прославляет войну. Напротив, он скорбит по поводу ее повторяемости – особенно когда она становится инструментом националистического честолюбия. Он осуждает империализм и предупреждает: «Не следует ждать третьего предостережения, которое может быть и последним. Раскаяться в своих исторических грехах и удовлетворить требованиям справедливости, отречься от национального эгоизма» [22]. Противостоя волне славянофильского исключительства, Соловьев выступает с призывом к преодолению национального эгоизма ради универсального начала. Россия, по его мысли, не должна становиться крепостью изоляции, а, напротив, быть мостом к примирению и «совершенного и вселенского единства человеческого рода» [22].

В этом он прямо противопоставляется Николаю Данилевскому, утверждавшему, что историческое призвание России – стать главой особой цивилизационной системы: «Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств» [5].

Эсхатологическая чувствительность Соловьева достигает кульминации в его предчувствии надвигающейся катастрофы Востока и Запада – культурного кризиса, в котором война выступает одновременно симптомом болезни и ее возможным лекарством. В такие периоды нравственного разложения война может выполнять функцию жара при болезни: «Простое, безусловное ее отрицание не имело бы никакого определенного смысла. При нравственном расстройстве внутри человечества внешние войны бывали и еще могут быть необходимы и полезны, как при глубоком физическом расстройстве бывают необходимы и полезны такие болезненные явления, как жар или рвота» [23].

И все же в этом мрачном видении сохраняется зыбкая надежда, что, пройдя через огонь войны, душа человека может не погибнуть, но очиститься. В конечном счете, Соловьев не предлагает разрешения парадокса: для него война остается одновременно и отклонением от божественного порядка, и орудием Провидения – пространством, где личная нравственная мука становится отражением духовного состояния целой цивилизации. Главная задача – не просто выжить в войне и не только победить, но пройти через нее, не утратив в себе образ Божий.

Философская интерпретация войны в работах Ф.М. Достоевского

Размышления Федора Достоевского в «Дневнике писателя» пронизаны трагической мудростью человека, заглянувшего в самую бездну человеческой природы и не отведшего глаз. Взгляд Достоевского на войну рождается из внутреннего противоречия. Это не прославление насилия, но признание того, что страдание, если оно принято добровольно, может стать зерном искупления. Война для него – не столько убийство, сколько умирание; не столько отнятие жизни, сколько ее приношение. В самом центре этой мысли – жертва, добровольное жертвование себя во имя чего-то высшего: Отечества, народа, нравственной души нации. Это «ложь, что люди идут убивать друг друга: никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственной жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Это же совсем другое. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества» [33].

Здесь Достоевский приближается к христианскому понятию кенозиса – самоумаления из любви, – и возводит войну в трагический праздник духа, в пространство, где человеческие добродетели вспыхивают почти метафизической яркостью – пусть даже на краткое мгновение.

Подобный взгляд на войну как на пространство нравственного преображения мы находим и у Льва Карсавина. Развивая христианскую традицию, он видит в войне не столько поле разрушения, сколько место жертвы, кенозисного подвига, в котором «я» может быть преображено, если не спасено, то хотя бы высвечено через добровольное страдание во имя Другого. «В войне... совершается и такое великое добро, как жертва своею жизнью за других... Поэтому, если государство отказывается от войны во имя правды так, что оно отказывается от защиты и осуществления своей правды, – оно лжет и отказывается во имя бездействия» [18].

Это не отвлеченная философская конструкция, а отголосок раннехристианского подвига мученичества (*imitatio Christi*), утверждение, что любовь требует крови, а подлинное совершенство рождается не из могущества, но через отречение и смирение. Как и у Достоевского, речь идет не о героизации войны, а о признании того, что именно в момент крайнего напряжения – боли, риска, самоотречения – открывается возможность нравственного роста. Даже в страдании человек должен задать себе вопрос: «Почему я этого захотел?» Не из чувства вины, а из глубинной онтологической ответственности. Для

Карсавина страдание – это не тупик, а точка разворота, начало самопознания и путь к покаянию. Важно подчеркнуть, что «слово “покаяние” является неточным переводом греческого слова *metanoia*... Умопремена означает переосмысление непосредственного содержания жизни... Легко вступить на этот путь, нужен один шаг, но сам он – вся жизнь» [29].

Идея, что война в своем крайнем проявлении открывает истину о человеке сближает его с Сереном Кьеркегором, для которого прыжок веры требует экзистенциального риска. Солдат, добровольно принимающий смерть, становится воплощением того, что Достоевский называл «подъемом духа нации ради великодушной идеи» [6]. Однако Достоевский не идеализирует войну. Это – страдание, и именно в страдании он видит очищение. Во время Русско-турецкой войны, поддержанной им, он писал: «воина освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задохались, сидя в немощи растрения и в духовной тесноте» [6]. Здесь война выступает своего рода духовным шоком, насильственным обновлением в обществе, задохнувшимся от комфорта и нравственного безразличия.

Наконец, подобно Гегелю, Достоевский воспринимает войну как некое трагическое, но необходимое потрясение, разрыв, пробуждающий то, что мир долго подавлял. Эта мысль получает художественное выражение в «Парадоксалисте» из «Дневника писателя», чьи слова резки, но не лишены значимости: «Нет, война в наше время необходима; без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами...» [33].

Можно было бы попытаться дистанцировать самого Достоевского от этого персонажа, однако его личные письма выражают схожие тревоги: «Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и не приметно ожесточается, и впадает в варварство» [7]. Этот язык – сырой, пророческий. Он обнажает глубочайшее беспокойство писателя: без страдания человек забывает, кто он есть. Мир, лишенный смысла, становится источником духовного разложения.

Философия войны у Достоевского, как и у Соловьева, не принимает форму доктрины. Она питается его православной верой, убежденностью в космической борьбе света и тьмы. В Идиоте князь Мышкин восклицает: «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!» [8]. Запад, по

Достоевскому, предал живого Христа ради абстракций – разума и силы. Россия, со всеми своими падениями, сохранила Христа страдающего, распятого. И в этом контексте война – не завоевание, а сопротивление, защита души от нигилизма. Однако писатель предостерегает от гордыни, маскирующейся под духовную миссию. Опасность кроется не столько в самой войне, сколько в утрате ее подлинного смысла. В толкованиях на Книгу пророка Исаии («И будет Он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать») звучит тот же мотив [32].

Ильин предостерегает: «Война, мечи расковать на орала. Ложная мысль. Загниет человечество в этаким мире. Надобен мир по-иному – Христов» [30]. Это и есть последняя интуиция Достоевского: лишь во Христе возможен конец войне, ибо только во Христе страдание может обрести преображение. До тех пор человечество пребывает в подвешенном состоянии – между варварством и святостью, разрушением и искуплением. Философия войны у Достоевского – не теория, а молитва. Это дрожащая исповедь надежды среди отчаяния. Она не дает ответа, но несет на себе всю тяжесть трагедии бытия. И в дыму и крови битвы он видит не только ужас, но и отблеск света, который не гаснет – хрупкую возможность того, что человек все еще способен быть чем-то большим, чем сумма его инстинктов.

Феномен войны в философских трудах Н.А. Бердяева

Николай Бердяев размышлял о войне как человек, переживший величайшие потрясения XX в. В его философии война – не просто историческое или политическое явление, а предельное проявление человеческого бытия, момент, когда рушатся внешние порядки и обнажается метафизическая истина о человеке. Поле битвы у Бердяева – это не только сцена физического уничтожения, но и пространство глубинного духовного противостояния, в котором раскрывается подлинное состояние души. Он писал: «До конечной победы над злом, до преображения этого мира в новую землю и новое небо дух воинственный не может и не должен быть истреблен в сердце человеческом» [3]. Центральным в его размышлениях становится напряжение между расчеловечиванием и любовью, между ужасом и святостью.

Война, по Бердяеву, одновременно ведет к озверению и утрате человеческого облика, но в то же время способна стать ареной сострадания, солидарности и жертвенного подвига. «Мы войну и принимаем, и отвергаем... Принятие войны есть принятие

трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь» [33]. В жестокости войны он находит возможность для сострадания, солидарности, жертвенного подвига. Не покой, а внутренняя борьба добра и зла делает человека человеком. Как Достоевский и Карсавин, Бердяев укореняет свое понимание войны в тайне жертвы и отвергает объяснения войны как выражения алчности и нигилизма. Он настаивает на трагическом достоинстве воина. Жертва – не политический акт, а метафизический жест, отречение от эго во имя высшей правды, форма любви, очищенной огнем. Война становится не триумфом, а распятием: личность пригвождена ко кресту истории.

Бердяев называет это апокалиптическим характером войны, но не в смысле конца света, а как откровение сокрытого. Он пишет: «Душа человеческая стоит больше, чем государства, обычаи и нравы, чем всякая внешняя польза, чем весь внешний мир» [3]. В войне вера либо гаснет, либо преображается. И человек должен ответить: ради чего он готов умереть? Война становится зеркалом человеческой души. Подлинный ужас, по Бердяеву, – не физическая смерть, а духовная. Пройти сквозь войну – значит не поддаться отчаянию, не утратить образ Божий. Даже в катастрофе человек обязан сохранить свободу, достоинство, нравственную силу.

Однако со временем акцент в его размышлениях смещается. В поздних работах, таких как «Война и эсхатология», он отказывается от постановки вопроса о «смысле» войны как о неправомерной формулировке. Он пишет: «...терминологически ошибочно ставить вопрос о смысле войны... Единственная цель войны – победа над врагом. Но вопрос можно поставить иначе. Можно поставить вопрос о причинах войны и о задачах, которые она ставит перед людьми и народами» [2].

Преодоление войны в поэзии Н.С. Гумилева

Внутренняя раздвоенность, экзистенциальное напряжение, проходящее через фигуру солдата и человека, нашло трагическое отражение и в поэтической мысли [13]. Так, Николай Гумилев, прошедший через фронты Первой мировой, становится своеобразным художественным коррелятом философии Бердяева. Если Бердяев ищет в войне духовный вызов, то Гумилев, изначально воспевавший героизм, постепенно приходит к мрачному осознанию: война не очищает, а извращает душу.

В цикле «Колчан» война предстает уже не как священное действо, а как гротеск:

«Здесь священник в рясе дырявой

Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом...» [14].

А в одном из последних стихотворений Гумилев достигает трагической ясности, показывая внутреннее раздвоение человека:

«В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радует, что она сильна» [15].

В отличие от Соловьева, мечтающего о теургическом преодолении хаоса, и Толстого, отрицающего всякое насилие, Гумилев видит войну как силу, навсегда искажающую душу. Война не предопределена, но и не лишена значения. Она становится испытанием для личности и цивилизации; зеркало, в котором нации видят свои грехи, своих идолов, свои измены духу. Преодоление вечного круга войн, таким образом, возможно через духовное пробуждение, возвращение к человеку как свободной, нравственной и богоносной личности.

Трагизм и кенозис войны в философии И.А. Ильина и П.А. Флоренского

Для Ивана Ильина война становится крестом, который следует нести, духовным испытанием, в котором душа человека разрывается между любовью и гневом, совестью и долгом, смирением и праведной силой. Взгляд Ильина на войны трагический: война – не торжество справедливости, а ее проверка огнем. Убить, даже во имя правого дела, значит вступить в нравственное противоречие. И все же бывают исторические моменты, когда бездействие становится большим предательством образа Божия в человеке.

В самой сердцевине ильинской философии лежит вопрос, на который он не дает окончательного ответа, но от которого не отводит взгляда: «Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека?» [17]. Война, по Ильину, отвратительна с точки зрения обыденной этики – это разлом в естественном порядке вещей. Однако, когда под угрозой оказывается Родина, вера, любовь, образ жизни, душа человека оказывается втянута в трагедию. Это не холодная арифметика теории справедливой войны, а нравственная агония русского духа, распятого между Нагорной проповедью и зовом защитить святыню.

Ильин подчеркивает: побеждать нужно не через ненависть, а через внутреннее благородство. Подлинная победа не в уничтожении врага, а в сохранении человечности внутри себя, даже в момент насилия. Русский воин, по Ильину, должен нести и икону, и меч, не позволяя одному осквернить другое. Эта заповедь отзывается и в бердяевском призыве к нравственному выбору под давлением, и в карсавинском образе войны как горнила личности.

Сражаться – не значит терять душу, если только борьба ведется духом, а не инстинктом. Для Ильина оружие не проклято и не освящено. Его смысл раскрывается через духовное состояние того, кто держит его в руках. Меч свят в руках праведника и гнусен в руках разбойника: «Смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил, что любил и чему служил» [16]. При этом даже в справедливой войне, подчеркивает Ильин, необходимо покаяние. Христианин-воин не празднует убийство – он плачет о нем. Убить с чистой совестью невозможно; но убить с раненой, покаянной совестью – знак духовной зрелости. В «О сопротивлении злу силою» он утверждает: зло должно быть остановлено не из ненависти, а как торжественная, осознанная обязанность нравственного человека.

Как и у других мыслителей русской традиции, для Ильина война выступает духовным испытанием. Это момент, когда истина взвешивается на весах, а красота мира утверждается не словами, а ранами. Христианский воин стоит не как палач, а как страж и свидетель справедливости. Идти на войну, по Ильину, означает быть судимым. И все же в этом суде душа может сохранить себе верность тем, как она сражается и зачем сопротивляется, кем отказывается становиться в огне битвы. Важно не просто победить, а победить так, чтобы не утратить в себе образ Божий и, где возможно, увидеть его даже во враге. В этом смысле война для Ильина становится духовным служением удержания.

На фоне трагической и возвышенной этики Ильина особое место занимает созерцательная и пастырская позиция Флоренского. Еще задолго до фронта, в 1904 г., он предчувствует духовное столкновение. В письме Андрею Белому он пишет: «Слова о “мече” не устарели... Меч нисколько не заржавел и даже обострился» [9]. Но для него меч оказывается символом внутренней готовности: бодрствования совести, сосредоточенности духа перед лицом приближающейся бури. На войне Флоренский открывает парадоксальную истину: «Война открывает душу солдата, в которой – преодоление антиномии того и другого: в ней “свет истины”» [10].

Позднее Флоренский признавался Розанову, что его потрясла не жестокость войны, а то, как она пробуждает в воинах тихое и твердое благочестие. Там, где модерн видел варварство, он видел кенозис — самоуничтожение, добровольное обнажение, через которое светит благодать. Флоренский не говорил о войне лишь умозрительно. В 1915 г. он отправился на фронт как священник санитарного поезда черниговского дворянства. Он был не символом, а служителем, — благословлял, отпевал, помазывал. Его оружием было Слово и милосердие. Эта позиция далека от триумфализма. Она глубоко православна и обращена к образу катехона — удерживающего, призванного силой жертвенного порядка сдерживать наступление зла.

Выводы

В пространстве, где пересекаются мистика и реалии политической практики, между чашей и мечом, русская мысль о войне проявляет свою глубочайшую и сложнейшую диалектику, формируя уникальный русский нарратив конфликта. Рассматриваемые в исследовании мыслители воспринимали войну как трагическое духовное испытание и экзистенциальное откровение. Их наследие находит отражение не только в метафизических размышлениях, но и в этико-политических вопросах, которые они поднимают. При этом идея войны как катализатора человеческого духа не исключает прагматических аспектов, — напротив, она сосуществует с традицией, признающей принципы реальной политики и цивилизационной стратегии.

Продолжение в следующем номере журнала.

Библиографический список:

1. Аврелий А. О граде Божьем (Книги I-V). Киев: УЦИММ-пресс, 1998. 30 с.
2. Бердяев Н.А. Война и эсхатология // Путь. 1939. № 61. 3-14 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы: смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
4. Чубарьян А.О. Пацифизм в истории / А. О. Чубарьян, В. И. Уколова, Т. А. Павлова, А. В. Чудинов, К. М. Андерсон [и др.]. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. 130 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб: Истоки, 1991. 402 с.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Наука, 1983. С. 117-121.
7. Достоевский Ф.М. Письма. 1869–1874. Л.: Наука, 1986. 139 с.
8. Достоевский Ф.М. Идиот. Мюнхен: ImWerden Verlag, 2007. 260 с.

9. Флоренский П.А. Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1991. 28 с.
10. Флоренский П.А. В санитарном поезде Черниговского дворянства: заметки и впечатления // Новый мир. 1997. № 5. С. 146-161.
11. Gandhi M. An Autobiography or The Story of My Experiments with Truth. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1940. Pp. 114-163.
12. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1959. 156 с.
13. Гумилев Н. Солнце духа [Электронный ресурс] // Культура.РФ. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/39010/solnce-dukha> (дата обращения: 05.05.2025).
14. Гумилев Н. Смерть [Электронный ресурс] // Культура.РФ. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/38500/smert> (дата обращения: 05.05.2025).
15. Гумилев Н. Франции [Электронный ресурс] // Культура.РФ. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/38498/francii> (дата обращения: 05.05.2025).
16. Ильин И.А. Духовный смысл войны [Электронный ресурс] // Azbyka.ru. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/duhovnyj-smysl-vojny/ (дата обращения: 05.05.2025).
17. Ильин И.А. Собрание сочинений. Том пятый. М.: Русская книга, 1996. 608 с.
18. Карсавин Л.П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. 419 с.
19. Кессиди Ф.Х. Гераклит. Москва: Мысль, 1982. 200 с.
20. Клаузевиц К. фон. Принципы ведения войны. М.: Центрполиграф, 2009. 219 с.
21. Кожев А.В. Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос, 1998. 190 с.
22. Соловьев В.С. Русская идея. Брюссель: Жизнь с богом, 1964. 36 с.
23. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 199с.
24. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. М.: Проспект, 2024. 224 с.
25. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 4. Произведения севастопольского периода. М.: Художественная Литература, 1935. 446 с.
26. Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки // Полное собрание сочинений. Том 57. М.: Художественная литература, 1952. 427 с.
27. Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас // Полное собрание сочинений. Том 28. М.: Художественная Литература, 1957. 395 с.

28. Трубецкой Е.Н. Знакомство с Соловьевым [Электронный ресурс] // Rodon. Режим доступа: <https://www.rodon.org/ten/zss.htm> (дата обращения: 19.05.2025).
29. Ванеев А.А. Два года в Абези: В память о Л.П. Карсавине. Brussels: Жизнь с Богом: La Presse Libre, 1990. 47 с.
30. Яковлев Л. Достоевский: призраки, фобии, химеры. III. Наедине с собой [Электронный ресурс] // Достоевский. Электронное собрание сочинений. Режим доступа: <https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/yakovlev-prizraki-fobii-himery/iii-naedine-s-soboj.htm> (дата обращения: 07.10.2025).
31. Къ психологii русскаго воинства // Воронежские епархиальные ведомости. 1915. № 2 (1915). С. 33-35.
32. Библия. М.: Всесоюзный Совет Евангельских Христиан-Баптистов, 1989. 1200 с.
33. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М.: Кучково поле, 2005. 496 с.

Bodrina M.S. The Philosophy of War in Russian Thought at the Turn of the 19th–20th Centuries: Spiritual and Metaphysical Dimensions

This is the first of a two-part study examining how Russian thinkers at the turn of the 19th and 20th centuries understood war. It focuses on the works of L. N. Tolstoy, V. S. Solovyov, F. M. Dostoevsky, N. A. Berdyaev, and I. A. Ilyin. The article explores how these thinkers perceived war not only as a political event but also as a profound spiritual trial and a complex cultural phenomenon. It is shown that they approached war as a multidimensional reality, deeply intertwined with questions of morality, metaphysics, and the fate of humanity. Their views, shaped by Russia's unique historical experience and cultural identity, differ from the more strategic and legalistic approaches typical of the Western tradition. The study highlights that the reflections of Russian philosophers on war remain relevant today, helping us to comprehend its meaning and consequences.

Keywords: philosophy of war, Russian philosophy, L.N. Tolstoy, V.S. Solovyov, F.M. Dostoevsky, P.A. Florensky, E.N. Trubetskoy, N.A. Berdyaev, L.P. Karsavin, N.S. Gumilev, I.A. Ilyin.

УДК 101.3

Е.Д. Довбыш

Философские подходы к критике и признанию современного искусства

Аннотация:

Исследуются ключевые философские подходы к пониманию современного искусства, представленные в трудах ведущих мыслителей XX-XXI вв. Анализируются взгляды мыслителей, раскрывающих позитивный потенциал современного искусства: Вальтера Бенямина, Клемента Гринберга, Артура Данто, Мартина Хайдеггера и Питера Осборна. Их подходы демонстрируют, как современное искусство становится пространством для творческой свободы, концептуальных экспериментов и нового понимания истины в условиях культурных трансформаций. Представлены критические позиции Ханса Зедльмайра, Хосе Ортеги-и-Гассета и Жака Рансьера, которые обращают внимание на такие проблемы современного искусства, как утрата духовных оснований, процессы дегуманизации, политическая инструментализация и разрушение подлинности в эпоху технического воспроизводства. Подобное структурирование материала позволяет всесторонне рассмотреть многообразие философских подходов к осмыслению современного искусства.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, концептуальность, дегуманизация, критика, автономия искусства, политизация, техническая воспроизводимость, философия искусства.

Об авторе: Довбыш Елизавета Дмитриевна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: dovbyshbmstu@gmail.com

Научный руководитель: Багдасарян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

С момента своего зарождения искусство неизменно привлекало внимание философов, однако взаимоотношения между философией и искусством на протяжении веков складывались непросто. От платоновского определения искусства как «иллюзии иллюзии», уводящей от истины, до попыток «реабилитации» и истолкования его природы со стороны других мыслителей, философия колебалась между скепсисом и сочувствием. В свою очередь, искусство часто отвечало пренебрежением к философским размышлениям.

Лишь в 1960-х гг. философия искусства смогла преодолеть рамки локальных определений, таких как живопись и скульптура. Когда стало очевидно, что все может быть произведением искусства, открылась возможность для формирования действительно всеобщей философии искусства. Именно этот момент знаменует собой начало нового этапа в осмыслении искусства, которое больше не ограничено конкретными формами или техниками. Поэтому отдельное внимание в статье нами обращено на то, как философская мысль на разных этапах формирования современного искусства пыталась осмыслить расширение границ искусства, его взаимодействие с действительностью и обществом.

Философское переосмысление и признание новых смыслов в современном искусстве

Современное искусство представляет собой сложное и многогранное явление, которое охватывает широкий спектр художественных практик, направленных на поиск новых форм выражения и осмысления мира. Оно не ограничивается традиционными жанрами и стилями, а постоянно развивается, отражая изменения в культуре, обществе и философии. Современное искусство стремится к инновациям, экспериментам и диалогу с прошлым, одновременно ставя под вопрос устоявшиеся нормы и ценности.

Этот художественный процесс корнями уходит в модернизм – период с середины XIX до середины XX в., когда произошел радикальный разрыв с классическими формами и сюжетами. Модернизм породил множество авангардных направлений, таких как импрессионизм, кубизм, футуризм, дадаизм, конструктивизм и сюрреализм, которые не только изменили художественный язык, но и сформировали новую философию искусства, ориентированную на внутреннюю свободу и поиск новых способов восприятия действительности.

Во второй половине XX в. на смену модернизму пришел постмодернизм, который поставил под сомнение идеи прогресса и универсальности, акцентируя внимание на

плюрализме, иронии и деконструкции. Постмодернизм расширил рамки художественного поиска, предложив новые концептуальные подходы и формы выражения, что еще больше обогатило современное искусство [5].

Рассмотрим ключевые идеи философов, для которых современное искусство выступает значимым феноменом социальной жизни, их взгляды на сущность и роль искусства в культуре.

В эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) Вальтер Беньямин исследует, как технологии тиражирования (фотография, кино, печать) трансформируют искусство. Он утверждает, что «произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости лишается своей ауры» – уникальности, связанной с его материальным присутствием и историческим контекстом. Массовое воспроизводство лишает произведение этой ауры, заменяя подлинность доступностью и превращая искусство из ритуального объекта в продукт массового потребления [1].

Особенно ярко это проявляется в кино, где живое исполнение актера подменяется технической обработкой, разрывая связь с аудиторией. Беньямин отмечает, что искусство утрачивает прежнюю глубину восприятия, становясь развлечением и инструментом политического влияния [2]. В цифровую эпоху идеи Беньямина обретают особую значимость: оригиналы произведений часто заменяются цифровыми копиями, а подлинность смещается в сферу интерпретаций. Философ признает, что технический прогресс разрушает традиционную ауру, но одновременно открывает искусству новые социальные и политические функции, делая его более демократичным, хотя и менее уникальным.

Известный американский арт-критик Клемент Гринберг проявлял положительное и глубокое отношение к современному искусству, особенно к модернистской живописи. В знаменитом эссе «Модернистская живопись» (1960) он утверждал: «Искусство самодостаточно в своей эстетической ценности, и оно не должно учить, прославлять кого-либо или что-либо, пропагандировать те или иные идеи. Оно имеет право держаться в стороне от религии, политики и даже морали» [3, с. 88].

Гринберг считал, что современное искусство, особенно абстрактное, отражает его философскую истину, которая проявляется через различные стили и формы. Современное искусство связывается им с «атмосферой расслабленных вкусов и мнений», оно «может удовлетворить вкус большинства и не требует напряжения душевных сил» [3, с. 92]. В 1960-

е гг., по мнению критика, новаторство перестало быть вынужденной мерой и стало приемом, что связано с развитием постмодернизма, где «поразительное и зрелищное стало предметом стилизации» [3, с. 90-91]. При этом Гринберг подчеркивал, что «подлинное искусство всегда определяется одним единственным критерием: правильностью формы», что противопоставляется тенденциям современного искусства [3, с. 91].

Гринберг поддерживал абстрактных экспрессионистов и считал, что искусство должно быть сведено к своим самым чистым и поэтичным свойствам – линии, цвету и плоской поверхности. Он видел в модернизме путь к высшей истине, противопоставляя его массовой культуре и китчу, которые выступают угрозой для искусства.

Американский философ и художественный критик Артур Данто характеризует современное искусство как эпоху информационного беспорядка и полной свободы, где «все разрешено», и где размывается четкая историческая линия развития. Это приводит к коллапсу больших нарративов, ранее придававших смысл художественным произведениям, и к утверждению концептуального подхода, где граница между искусством и неискусством определяется не визуальными формами, а интеллектуальным решением. В этом контексте «искусство продемонстрировало, что не обязательно даже иметь осязаемый визуальный объект, чтобы что-то было произведением визуального искусства» [12, с. 40]. Современное искусство, таким образом, становится экспериментальной площадкой без строгих правил и канонов, открывая новые возможности и одновременно ставя под вопрос традиционные критерии художественности.

Данто подчеркивает, что в современном искусстве визуальные характеристики произведения больше не играют решающую роль для его определения как искусства, – а на смену им приходит «концептуальная атмосфера», созданная «миром искусства» [12, с. 40]. Это означает, что искусство перестает подчиняться единой логике развития и становится более открытым и многозначным феноменом культуры.

В работе «Исток художественного творения» (1936) Мартин Хайдеггер подчеркивает, что искусство – это не просто вещь, а творение, в котором раскрывается истина, и оно всегда содержит «нечто иное», что отличает его от обычных предметов. Хайдеггер пишет: «... только тогда можно сказать, вещь ли художественное творение, притом именно такая вещь, что к ней пристало еще нечто иное, или, может быть, творение есть в основе своей иное и никогда не бывает вещью» [11, с. 5].

Современное искусство для Хайдеггера оказывается продолжением традиций символизма и аллегории, но в новых формах, где проявляются новые смыслы и идеи, которые не сводятся к привычным вещным характеристикам. Оно не укладывается в классические каноны и требует переосмысления, поскольку в нем «творится раскрытие сущего в его бытии: творится свершение истины». Хайдеггер признает сложность и неоднозначность современного искусства, подчеркивая его связь с истиной и творческим процессом, который выходит за пределы ремесла и изготовления вещей.

В работе «Либо везде, либо никак: философия современного искусства» (2013) Питер Осборн рассматривает искусство как выражение современности – эпохи, для которой характерны постконцептуальность, творческая трансгрессия и критическое переосмысление традиций. По мнению Осборна, современное искусство не просто существует в культурном и социальном контексте, но активно формирует его, раскрывая новые способы осмысления мирового бытия.

Центральное место в работе занимает идея концептуальности: «Искусство создается посредством концепта, искусство необходимым образом концептуально. Этот тезис является обязательным, но недостаточным, то есть его одного недостаточно, но без него нельзя помыслить современное искусство. [...] Под концептом понимается практика исключения, языкового исключения искусство/не-искусство» [8]. Осборн подчеркивает, что современное искусство – это в первую очередь искусство идеи, где основным средством художественного высказывания становится концепт, а не форма или эстетические характеристики. В современном искусстве Осборну видится переход от классической концептуальности к более сложному постконцептуальному состоянию – это динамичное поле, где художественные практики взаимодействуют с историей, политикой, культурой и пр., переопределяя границы между искусством и не-искусством.

Таким образом, современное искусство преимущественно рассматривается как пространство свободы, концептуального эксперимента и нового понимания истины. Взгляды обозначенных философов свидетельствуют о том, что современное искусство представляет собой не столько упадок, сколько новый этап эволюции художественного мышления.

Философские оценки вызовов современного искусства

Искусство переживает сложный этап, сопровождающийся глубокими философскими и культурными трансформациями. Оно сталкивается с рядом проблем,

среди которых утрата традиционных смыслов, размывание границ между искусством и реальностью, влияние рыночных и медийных механизмов. Многие мыслители отмечают, что современное искусство часто теряет способность к выражению глубинных переживаний и смыслов, превращаясь в поиск новизны или средство социальной и политической игры. Вместе с тем философия искусства призвана не только анализировать эти изменения, но и переосмысливать природу самого художественного творчества и его роль в современном мире.

Рассмотрим ключевые идеи философов, затрагивающих вызовы современного искусства, стоящие сегодня перед художественным творчеством. Так, критикуя современное искусство, Ханс Зедльмайр выделяет фундаментальную проблему, связанную с утратой духовных оснований и целостного восприятия мира. Зедльмайр заявляет об «утрате середины», означающей распад органического единства, которое исторически связывало искусство с культурой и духовной традицией. По мысли теоретика, современное искусство, превратившись в своеобразную «новую мировую религию», подменяет подлинную сакральность формальными экспериментами, утрачивая при этом сущностную глубину [9]. Зедльмайр проводит интересную параллель: если эпоха Возрождения олицетворяет синтез творческой свободы и духовных оснований, то искусство XX в. демонстрирует их радикальный распад [4].

Рассуждая о дегуманизации искусства, Хосе Ортега-и-Гассет критикует современное искусство за то, что оно отходит от человеческих чувств и подлинной реальности – в этом и заключается его дегуманизация. Искусство модернизма сознательно отстраняется от массового зрителя и становится искусством для узкой элиты, но не для широкой публики. Оно перестает быть общечеловеческим и широкопонятным, не стремится вызывать у зрителя сопереживание или эмоциональный отклик, присущий традиционным видам искусства: «произведения искусства действуют подобно социальной силе, которая создает две антагонистические группы, разделяет бесформенную массу на два различных стана людей» [7, с. 178].

В работе «Эстетизм» Жака Рансьера представлена концепция «эстетического режима искусства». Современное искусство по мысли философа утрачивает этическую сложность эстетического, ведь, стремясь улучшить мир, оно нередко забывает о парадоксах и этике, которые открывают пространство для парадокса и рефлексии [10]. Рансьер критикует подходы некоторых социальных теоретиков, включая Алена Бадью и Жана-Франсуа

Лиотара, пытающихся подчинить искусство интеллектуальным или политическим машинам, но игнорирующих внутреннюю логику и чувственный характер произведения искусства. Такой подход приводит к утрате подлинного эстетического опыта и смешивает эстетический дискурс с другими, разрушая тем самым специфику искусства как особого режима мышления [6]. Рансьер, таким образом, выступает против редуцирования искусства до инструмента социальной и политической утопии, подчеркивая важность его автономии этической сложности как пространства рефлексии и чувственного опыта.

Заключение

Будучи сложным и многогранным феноменом, современное искусство продолжает вызывать острые дискуссии. Проведенный нами анализ философских позиций позволяет выделить две ключевые тенденции в его осмыслении: критическую и конструктивную, которые, однако, не исключают друг друга, а скорее отражают диалектическую природу самого объекта.

Таким образом, современное искусство преимущественно рассматривается теоретиками в контексте его элитарности, дегуманизации и неподлинности ввиду утраты связей с традициями, духовностью и субъективным опытом человека. С одной стороны, такие мыслители, как Х. Зедльмайр и Х. Ортега-и-Гассет видят в современном искусстве симптом культурного кризиса. Для Зедльмайра это «утрата середины» – распад духовной целостности, подмена сакрального формальным экспериментом. Ортега-и-Гассет акцентирует дегуманизацию искусства, его отрыв от общечеловеческого опыта и превращение в элитарный продукт. Жак Рансьер и Вальтер Беньямин хотя и признают трансформативную силу искусства, критикуют его инструментализацию. Их объединяет тревога по поводу утраты искусством ауры подлинности, этической глубины и связи с традицией.

С другой стороны, философы, среди которых К. Гринберг, А. Данто, М. Хайдеггер и П. Осборн, предлагают более оптимистичный взгляд. Для них современное искусство оказывается пространством свободы, концептуального поиска и переосмысления бытия. Гринберг отстаивает эстетическую автономию искусства, Данто – его освобождение от «больших нарративов», а Хайдеггер усматривает в нем «свершение истины», в то время как Осборн – постконцептуальный диалог с современностью. Их объединяет убежденность в том, что искусство, даже утрачивая традиционные формы, обретает новые способы

взаимодействия с реальностью, будь то через абстракцию, концепт или цифровые технологии.

Очевидным моментом для всех представленных позиций выступает признание радикальной трансформации искусства на рубеже XX-XXI вв. Современное искусство больше не может быть оценено в рамках классических категорий – оно требует новых философских инструментов. Критики видят в этой трансформации угрозу, а сторонники – возможность, но все сходится в том, что искусство стало зеркалом сложности современного мира, где сталкиваются глобализация и идентичность, технологический прогресс и экзистенциальные вопросы. В конечном счете ценность искусства заключается не в однозначных ответах, а в способности ставить вопросы и бросать вызовы. Феномен современного искусства не поддается однозначной оценке, но именно в разнообразии подходов и рождается понимание. Искусство продолжает эволюционировать, а вместе с ним и философская мысль, стремящаяся осмыслить его роль в условиях непрерывно меняющейся культурной парадигмы.

Библиографический список:

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю.А. Здорова М.: Медиум, 1996. 240 с.
2. Дворник Ф. Искусство как мираж. Вальтер Беньямин, Андре Мальро и понятие подлинности [Электронный ресурс] // Сайт Высшей школы экономики. Дизайн. Режим доступа: <https://design.hse.ru/news/2531> (дата обращения: 05.04.2025).
3. Гринберг К. Модернистская живопись // Искусствознание. 2007. С. 546-553.
4. Зверев А.С. Ханс Зедльмайр о внутреннем времени произведения искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (791). С. 247-256.
5. Новикова Н.Л. Модернизм и постмодернизм: к проблеме соотношения / Н.Л. Новикова, И.В. Трemasкина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 19-25.
6. Окунева И. Жак Рансьер: По направлению к критическому современному искусству [Электронный ресурс] // Artinfo.ru. Режим доступа: <http://www.artinfo.ru/ru/news/main/Paris-Okuneva-8.htm> (дата обращения: 11.04.2025).

7. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник / Составление И. Тертерян и Н. Матяш; перевод с исп. С. Васильевой, В. Симонова и др. М.: Радуга, 1991. 639 с.
8. Осборн П. Либо везде, либо никак: философия современного искусства / Питер Осборн; пер. с англ. К. Саркисов. Москва: Фонд V-A-C, 2016. 256 с.
9. Пушкарева Т.И. Ханс Зедльмайр и становление современной христианской философии искусства // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 2. С. 315-323.
10. Рансьер Ж. Некоторые парадоксы политического искусства [Электронный ресурс] // Colta.ru. Режим доступа: <https://colta.ru/articles/raznoglasiya/11268-nekotorye-paradoksy-politicheskogo-iskusstva> (дата обращения: 11.04.2025).
11. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
12. Danto A. After the end of art: contemporary art and the pale of history. Princeton: Princeton University Press, 1997. 268 p.

Dovbysh E.D. Philosophical approaches to criticism and recognition of contemporary art

The key philosophical approaches to understanding contemporary art presented in the works of leading thinkers of the XX-XXI centuries are investigated. The views of thinkers who reveal the positive potential of modern art are analyzed.: Walter Benjamin, Clement Greenberg, Arthur Danto, Martin Heidegger and Peter Osborne. Their approaches demonstrate how contemporary art is becoming a space for creative freedom, conceptual experimentation, and a new understanding of truth in the context of cultural transformations. The book presents the critical views of Hans Sedlmayr, José Ortega y Gasset, and Jacques Rancière, who address the challenges of contemporary art, such as the loss of spiritual foundations, the processes of dehumanization, political instrumentalization, and the destruction of authenticity in the era of technological reproduction. This structure allows for a comprehensive exploration of the diverse philosophical approaches to understanding contemporary art.

Keywords: modernism, postmodernism, conceptuality, dehumanization, criticism, autonomy of art, politicization, technical reproducibility, philosophy of art.